Наследие некроманта

Автор:
Дем Михайлов

Наследие некроманта

Дем Михайлов

Мир ИзгояИзгой #3

Прошли столетия с тех пор, как отгремели чудовищные войны магов и половина континента превратилась в покрытую пеплом пустошь, непригодную для жизни. Некогда великолепные города теперь лежат в руинах, населенных чудовищами и нежитью, настолько опасными, что пришлось возвести пограничную стену, дабы оградить мирных жителей от смертельной угрозы. Так появились Дикие Земли… Поселению барона Кориса Ван Исера удалось невозможное – они выжили в Диких Землях и основали хорошо укрепленное поселение. Но это лишь начало. В Дикие Земли пришла суровая зима. С наступлением холодов проснулись огромные сгархи и ведомые шурдами, вышли на поиск ненавистных людишек. В свою очередь, таинственный Повелитель не оставляет своих попыток уничтожить Кориса Ван Исера любой ценой. Кажется весь мир ополчился против затерянного в глубине Диких Земель поселения.

Дем Михайлов

Наследие некроманта

Глава первая

Темное прошлое

На возведение Твердыни ушла немалая часть казны Империи, но владыка Мезеран Милостивый ни разу не пожалел о столь огромных тратах – выстроенная гномами цитадель с лихвой оправдывала каждый потраченный медяк. Император никогда не доверял выходцам из западных земель. Уж больно независимыми они были. Оно и понятно – богатые плодородные земли давали обильный урожай, многочисленные портовые города исправно снабжали морскими дарами, а раскиданные повсюду рудники и шахты было не перечислить. Западные земли не нуждались в опеке и защите могущественного соседа, скорее, Империя нуждалась в них – налоги шли обильным золотым потоком в дворцовую казну, нескончаемые подводы с зерном и мясом тянулись к казарменным кухням и позволяли прокормить огромную армию. Но долго такая идиллия продолжаться не могла – в свое время прадед императора Мезерана огнем и мечом покорил независимые западные провинции и заставил их влиться в могущественную Империю, чем расширил границы своих владений почти вдвое. Это не добавило ему популярности в дотла разоренных западных землях.

С тех пор утекло почти двести лет. Популяция некогда разоренных и сожженных городов восстановилась, имперские ставленники, не смущаясь, принимали щедрые подношения и все больше прислушивались к жаждущим независимости западным дворянам. Предчувствие войны витало в воздухе, и первым делом владыка Мезеран отправил в западные провинции половину войск, поставив во главе преданных ему дворян. Чтобы одним своим присутствием войска удерживали излишне горячие головы от глупых поступков и изменнических мыслей.

Как выяснилось позже, это оказалось большой ошибкой императора – когда вспыхнула братоубийственная война, имперские войска переметнулись на другую сторону. Но тогда Мезеран еще ничего не знал и приступил ко второй части плана – возведению пяти огромных цитаделей. Это была вторая ошибка императора Мезерана. Если бы владыка Киспариан был еще жив, то он не стал бы тратить огромные средства на возведение ненужных крепостей прямо посреди Империи. О, нет. Он просто приказал бы армии умертвить каждого второго мужчину в западных провинциях и хорошенько проредить ряды ставших излишне говорливыми дворян. Искоренять непокорство мечом и огнем – таков был Киспариан Завоеватель, но не император Мезеран – мягкий и изнеженный, излишне прислушивающийся к речам священников.

Приглашенные на беседу с владыкой Мезераном мастера-гномы внимательно выслушали императора, и, ничуть не смущаясь венценосного титула, запросили

такую сумму, что имперский казначей изменился в лице и с трудом выдавил из себя протестующее блеянье. Впрочем, казначея никто не услышал, и договор был заключен. В первую очередь Мезеран Милостивый приказал начать возведение цитадели у хребта Каменного Дракона. Гномы коротко поклонились и, опустошив казну, отправились восвояси. Уже через месяц на месте будущей Твердыни начались работы. До начала войны оставалось девять лет с небольшим.

Тем временем Мезеран обменивался пространными «вестниками» с единственным человеком в западных провинциях, которому он мог доверять – своим младшим братом Тарисом Ван Санти, который вот уже пятнадцать лет являлся главным наместником и рукой Императора в западных землях.

И это была третья ошибка Мезерана – принц Тарис обладал весьма большими амбициями и в своих мечтах видел именно себя восседающим на троне Империи. Отведенная ему роль карающей десницы Императора вызывала у него лишь ярость. Ведь разница в появлении братьев на свет была ничтожна – меньше минуты. Этот крохотный промежуток времени лишил Тариса будущего и заставил его пожизненно оставаться на вторых ролях за спиной царственного брата. Несмотря на то, что братья родились почти одновременно, они ни в коей мере не были близнецами. Император Мезеран – широкий в плечах, черноволосый, с волевым подбородком и повадками величественного барса, ни на йоту не походил на своего брата Тариса. Судьба обделила Тариса и здесь – более чем среднее телосложение, вечно опущенная светловолосая голова и взгляд исподлобья. Именно таким был младший брат великого правителя Империи. Как бы то ни было, Мезеран любил своего брата и, понимая, что Тарис томится во дворце, где ему никогда не суждено быть правителем, император назначил его наместником в западные провинции. Тарис повиновался и даже почувствовал облегчение – наконец-то он сможет самостоятельно принимать решения и окажется подальше от нелюбимого брата. Облегчение длилось недолго – даже в удаленных от столицы землях ему не удалось избавиться от гложущей его зависти и ненависти. Да и как это сделать, если повсюду высятся огромные статуи императора Мезерана, если его изображение на каждом втором гобелене?

Тарис умело скрывал свои истинные чувства – до поры до времени. Чтобы отвлечься, он с головой погрузился в чтение книг, что в беспорядке скопились в дворцовой библиотеке – поначалу только для того, чтобы убить невыносимо тянущееся время. Каждый день, покончив с немногочисленными делами

провинциального наместника, Тарис запирался в библиотеке и, то и дело чихая, переворачивал пыльные страницы древних фолиантов, где рассказывалось о героической борьбе святой Церкви с нежитью, о могучих храмовниках, бесстрашно входивших в мрачные могильники с молитвой Создателю на устах, о великих магах, способных одним движением пальца обратить горы в пыль. Это был совсем другой мир, куда он мог уйти от постылой ему реальности. Постепенно предпочтения Тариса в чтении изменились. Юный наместник перестал интересоваться воспетыми в книгах деяниями Церкви и жизнеописаниями героев прошлого. Теперь он читал лишь о древних магах – тех, кто обладал истинным могуществом, тех, перед кем все преклонялись и кого боялись. С каждым проходящим днем Тарис укреплялся в мысли, что обладай он магическим даром, то смог бы многое изменить. Но это были лишь грезы – по еще одной злой насмешке судьбы он не имел таланта к магии. Ни единой крупицы дара.

День шел за днем, наместник Тарис проводил все свободное время в библиотеке и с жадностью поглощал книги о магах. Вскоре про страсть наместника к чтению прознали дворяне, и теперь каждая их очередная просьба о снижении налогов или о содействии в спорном деле сопровождалась неизменным подарком – книгами и древними свитками.

Именно так в руки Тариса попала пара необычных текстов – древние пергаменты с причудливыми рукописными завитушками и красочными изображениями. Эти свитки раскопал в своей личной библиотеке один из богатейших купцов западных провинций, стряхнул с них вековую пыль и, положив в отделанный золотом ларец, с помпой преподнес наместнику Тарису во время одного из пышных приемов. Заодно выторговал для себя освобождение от налогов на пять лет под предлогом того, что, дескать, он находится на грани разорения и лишь милостивый наместник сможет спасти бедного купца и его семью. Подаренные свитки настолько поразили Тариса при первом же взгляде, что он, уже не слыша льстивые речи, лишь милостиво кивнул головой и протянул руку для поцелуя. Просьба была незамедлительно удовлетворена. Потом купец не раз клял свою непроходимую глупость, что не додумался просить освобождение сразу на десять лет – наместник Тарис Ван Санти, увлеченный рассматриванием свитков, несомненно, удовлетворил бы любую просьбу. Но время было уже упущено, и купцу пришлось довольствоваться пятью годами.

С огромным трудом высидев на приеме положенное время, Тарис поспешно откланялся и, бережно сжимая ларец с драгоценным содержимым, поспешил в

библиотеку, где слуги уже приготовили для господина кувшин старого вина и зажгли свечи.

Тогда и началось восхождение Тариса к магическому олимпу – свитки оказались вырезанными из неизвестного источника книжными страницами и содержали в себе несколько заклинаний и подробных описаний ритуалов некромантии. Осознав, что именно попало к нему в руки, младший брат великого императора прежде всего озаботился тем, чтобы это осталось в тайне от многочисленных святош, что обожают совать нос в чужие дела. На изучение свитков с заклинаниями у Тариса ушло целых полгода. Затем, когда он понял, что ему катастрофически не хватает знаний, он начал усиленные, но крайне осторожные поиски подобных свитков и книг. Отступать было поздно – возможности магии древних некромантов полностью захватили помыслы наместника. Это то, о чем раньше он мог лишь мечтать – могущество и независимость, и самое главное – это был путь к трону Империи.

Первым делом в глубоком подвале дворца оказался тот самый незадачливый купец, которого угораздило преподнести в дар Тарису злосчастные свитки. Палачи задавали истерзанному человеку лишь один вопрос – где находятся остальные страницы из книги. Даже пройдя через самые изощренные пытки, купец не смог сообщить почти ничего полезного. Жалкие крохи информации. Но этого хватило наместнику, чтобы направить верных людей на поиски недостающих знаний…

На этом месте Койн прервался, откашлялся и бросил жадный взгляд на мою кружку. Я безмолвно протянул ее ему, и гном одним махом выпил настой и утер бороду.

– Похоже, я немного отклонился в сторону, друг Корис. – смущенно буркнул гном. – Ведь ты хотел знать о Твердыне. Но я не смог удержаться, чтобы не поведать о главном враге того времени – Тарисе Некроманте.

– Поверь, Койн, я только рад узнать побольше о печально знаменитом Тарисе Некроманте, и твоя история более чем интересна. – поспешил я успокоить гнома.

– Правда. Более чем интересно! – прозвенел столь знакомый голос за загораживающей дверной проем оленьей шкурой.

Мы с гномом одновременно вздрогнули и вытаращились на дверь. Шкура отодвинулась в сторону, и в моем закутке возникла несколько смущенная Аллариcса Ван Ферсис.

– Баронесса. – удивленно поприветствовал я девушку.

– Простите, – потупив взор, сказала Аля, – я пришла узнать, нашел ли ты что-то интересное в бумагах отца и, невольно услышала историю Койна. Подслушивать я не собиралась!

– И в мыслях не было подозревать, баронесса. – соврал я и, наклонившись к лежащему у изголовья кровати мешку, вытащил из него приготовленную для девушки сумку с письмами ее отца. – Вот. Здесь все бумаги твоего отца, в том числе и личная переписка.

– Спасибо. – поблагодарила девушка, принимая от меня сумку. Замявшись, она повела глазами по сторонам и робко поинтересовалась:

– А можно дослушать историю уважаемого Койна до конца? Он столь захватывающе рассказывает!

Пока я думал, что ответить слишком любопытной девушке, Койн решил взять дело в свои руки и приглашающее пророкотал:

– О! Ну конечно, юная квали! Каждая история нуждается в слушателях и чем их больше, тем приятней рассказчику! Присаживайтесь поудобней!

Мне осталось лишь улыбнуться сквозь зубы и утвердительно кивнуть. Не жалко, если юная баронесса решила послушать древнюю легенду о Тарисе Некроманте, но самое больше через час начнется совещание, и вот на нем я решительно не хотел видеть посторонних. И тех, кто не принес мне клятву крови. Пусть я параноик, и пусть это всего лишь шестнадцатилетняя девчонка, но рисковать я совершенно не хотел. Вслух я своих мыслей, разумеется, озвучивать не стал и лишь произнес:

– Койн прав, баронесса. Такая история заслуживает большего количества слушателей. Усаживайся где хотите, и давайте продолжим историю.

Поблагодарив нас кивком, Аля огляделась по сторонам, прошлась взглядом по узкой лавке и, решительно шагнув к моей кровати, уселась по соседству со мной, обдав меня приятным травяным запахом от волос. Подобрала под себя ноги, расправила длинную юбку, улыбнулась и разрешающе прощебетала:

– Все, можете продолжать уважаемый мастер Койн. Я готова.

Осторожно поставив глиняную кружку на скамью (гном еще не знал о том, что этой хрупкой на вид посудой можно ломать каменные стены), Койн с хрустом повел плечами, откашлялся и продолжил рассказ:

– Пока Тарис все больше погружался в изучение запретной магии, мастера-гномы приступили к возведению мощной крепости под названием Твердынь. Щедрые денежные вливания и неограниченная рабочая сила сделали свое дело – цитадель росла на глазах. Строительство Твердыни завершилось за рекордный срок – через четыре года был положен последний камень, и лопаточка мастерового последний раз нанесла крепящий раствор. Цитадель была возведена и гномы заслуженно гордились своей работой. Подобного сооружения Империя еще не видела. Настоящее произведение оборонного искусства. Шедевр Подгорного Народа.

Сложенные из черного гранита стены вздымались на высоту сорока локтей, восемнадцать шестиугольных башен на половину выпирали из стен и темнели многочисленными бойницами. Глубокий ров сплошным кольцом окружал стены и пополнялся за счет подземных источников, которые гномы обнаружили в земных недрах и подвели к цитадели. В крепостных воротах не было ни единой деревянной детали – гномы сковали все из чистейшего металла и придумали хитрый дверной механизм…

– Эх… – вздохнул Койн и сокрушенно махнул рукой. – Достоинства Твердыни можно перечислять до глубокой ночи, и столь защищенная цитадель все же пала под натиском врага! Столько трудов мой народ потратил на возведение крепости, а она не выдержала даже первую осаду! Как жаль!

– Не переживайте, мастер Койн. – сочувственно произнесла Аля. – Насколько я знаю эту легенду, крепость выдержала множество штурмов. Она не пала – жители Твердыни сами открыли ворота и сдались на милость врага, когда Защитник пал от руки подосланного убийцы.

– Это истинная правда, квали Аллариcса. – подтверждающее кивнул гном. – Но об этом чуть позже. А в то смутное время ничто еще не предвещало беды, и мои братья-гномы заслуженно гордились результатом своих тяжелых трудов. Когда владыка Мезеран Милостивый самолично прибыл на осмотр крепости, он был потрясен! Только одним своим видом Твердынь должна была внушить ужас противнику! Императору понадобилось целых два дня, чтобы осмотреть крепость в сопровождении старших мастеров – настолько огромной она была! Тогда же Мезерану были показаны многочисленные тайные ходы и туннели в толще стен и под землей.

– Тайные ходы? – переспросил я.

– Ну, конечно! В построенной гномами цитадели было много тщательно замаскированных туннелей, отходящих от стен на несколько лиг и выходящих наружу в неприметном месте. В любой момент разведчики или посыльные могли покинуть крепость незаметно для врага и столь же незаметно вернуться! Было предусмотрено абсолютно все!

– Я спрошу несколько по-другому. – поправился я. – Ты сказал, что гномы показали входы и выходы в потайные переходы только тогдашнему императору Мезерану? Правильно? Император был единственным, кто знал, где начинаются тайные ходы?

– А как же еще? – удивленно развел руками Койн. – Тайна была доверена лишь императору Мезерану и никому более. Но как Мезеран поступил с полученным знанием позднее, знает лишь великий Отец.

Пока я слушал Койна, в моей памяти сам собой всплыл отрывок давешнего сна: «Склонившийся в поклоне солдат резко выпрямляется, и я успеваю заметить блеск узкого лезвия, метнувшегося к моему боку, и тут же ощущаю резкую боль, пронзившую внутренности. Ноги подгибаются, и я начинаю медленно оседать на землю, удивленно смотря в глаза убийцы».

Защитника поразил подлый удар убийцы. И убийца настиг меня… его внутри великолепно защищенной цитадели. Как же он туда попал? Взобрался по стене или прилетел по воздуху?

Но, скорей всего, ответ куда проще: убийца просто прошел через один из потайных туннелей и смешался с гарнизоном крепости. Окровавленные доспехи, перевязанное лицо, сажа и грязь на лице – так выглядело большинство солдат после нескольких отбитых штурмов – это идеальная маскировка.

Можно было бы предположить, что один из солдат просто перекинулся на сторону противника, но это не вяжется с последними словами, что услышал Защитник в мгновенья перед смертью: «Склонившийся к мне убийца торжествующе шепчет мне на ухо:

– Лорд Ван Корлис просил передать тебе: сдохни!

Темнота…».

Да и лицо убийцы показалось Защитнику незнакомым…

Но это только мои домыслы.

С трудом оторвавшись от размышлений, я тряхнул головой и кивнул Койну:

– Ясно. Продолжай свою историю, Койн.

Гном открыл рот, но начать фразу не успел. Тишину пещеры разорвали истошные крики:

– Тревога! Тревога!

– Все на стену!

– Кто-то опустил подъемник! Тревога!

– Все к оружию! Подъемник опущен вниз!

– Где господин Корис?!

– Тревога!

Рухнув с постели, я заученным движением схватил перевязь меча и, плюнув на сапоги, рванулся к двери. Благо закрывающей ее шкуры уже не было – среагировавший на крики Койн уже вынесся наружу и по дороге снес ее. Шипя от боли в растревоженном плече, я метнулся за ним, успев рявкнуть на побледневшую девушку:

– Сиди здесь! Из пещеры ни ногой!

Путь до стены занял у меня считанные мгновенья. Снег обжигал босые ноги, темноту разрывали зажженные факелы, рядом бежали остальные воины, где-то позади, медведем ревел Рикар, поторапливая отстающих. У меня в голове билась лишь одна мысль: «Подъемник опущен! Подъемник опущен!».

Сбивая ноги на ступенях, я вымахнул на вершину стены и первым делом кинулся к краю, чтобы понять, кто же нас атаковал. И каким образом неизвестный противник сумел добраться до лебедки подъемника.

Первой неожиданностью оказалось то, что чернеющее ущелье было безжизненным. В ярком лунном свете я видел лишь отдающий синевой снег, черные скалы, и в глубине ущелья тускло мелькал огонек одинокого факела. Справа от меня грохотала лебедка подъемника – ее крутили в восемь рук сразу четверо мужчин, споро поднимая платформу. Пустую.

Крутнувшись на месте, я оглядел занимающих позиции воинов и понял по их недоумевающим лицам, что они знают и понимают не больше меня. От души выругавшись, я поспешил на шум лебедки, скользя по обледеневшему за вечер камню и цепляясь за плечи мужчин, чтобы не грохнуться наземь. Люди поспешно раздавались в стороны, и через минуту я уже был у подъемника, который как раз занял свое положенное место на вершине стены. Где-то на полпути ко мне успел присоединиться здоровяк, держащий в руке пылающий факел.

Тяжело дышащие люди поспешно закрепляли платформу подъемника, у края стены скорчился воин, сжимая в ладонях безвольно опущенную голову. В свете факелов я рассмотрел струящуюся меж его пальцев темную жидкость. Кровь. Ситуация стала еще запутанней.

Противника нет и в помине, но один из воинов явно ранен. Подъемник оказался у подножья стены, а в глубине ущелья все еще виднеется трепещущий огонь факела. Причем свет факела удаляется от стены все дальше!

– Да что происходит, мать вашу?! – не выдержал и закричал я – Где часовые?!

Замершие на месте воины переглянулись и, виновато взглянув на меня, развели руками.

– Что вы руками дрыгаете?! – заревел Рикар – Отвечайте, когда вас господин спрашивает! Где часовые?!

– Я здесь, господин. – почти неслышно откликнулся раненый воин и пошевелился, силясь подняться на разъезжающиеся ноги. – Я час-совой…

Шагнув к нему, я опустился рядом и, положив руку ему на плечо, удержал на месте. Заглянув ему в окровавленное лицо, я с трудом узнал его – Трезий – молчаливый и исполнительный воин.

– Что случилось? – уже спокойней спросил я. – Где второй часовой? Кто тебя ранил?

– Он в… в ущелье, г-господин. – с трудом выдохнул Трезий. – Это он м-меня уд-дарил по г-голове и опустил п-подъемник.

– Что?! – в два голоса выкрикнули мы с нависшим надо мной здоровяком.

– Тебя ударил второй часовой? – тщательно выговаривая слова, переспросил я, сдирая с себя рубаху. – Ты уверен?

Часовой молча кивнул и страдальчески поморщился. Похоже, что Трезий удерживает себя от потери сознания лишь неимоверным усилием воли. Скомкав рубашку в плотный комок, я отвел ладони Трезия в стороны и приложил ее к широкой, но неглубокой ране.

– К-когда он меня ударил, я потерял с-сознание. – продолжал говорить воин. – Очнулся от грохота работающей лебедки. Д-дополз до рога и поднял т-тревогу.

П-простите, г-господин. Подвел я вас…

– Ты все сделал правильно. – успокоил я его. – Молодец!

– Кто нес стражу вместе с тобой, Трезий? – вмешался здоровяк. – Имя?

– Рыжий… рыжий Л-лени…

– Лени?! – повторил я и, вскочив на ноги словно ужаленный, в замешательстве запустил пальцы в отросшие волосы.

Теперь у меня окончательно все перемешалось в голове. Я мог ожидать чего-нибудь от гномов, от Аллариссы в конце концов, но уж никак не от рыжего Лени – в этом вечно веселом и неунывающем воине я всегда был уверен, как в самом себе. Как же так?

Не ощущая холода, я подошел к краю стены и вперил взгляд в далекий огонек факела. За моей спиной Рикар отдал несколько отрывистых приказов, и люди засуетились – раненого часового подхватили на руки и спешно понесли к ведущей во двор лестнице, еще несколько человек кинулись к новому подъемнику, чтобы проверить находящихся на вершине Подковы часовых. Остальные воины медленно покидали стену – штурма не предвиделось. Хотя меня это не радовало – такие вот, наполовину ложные тревоги выматывают людей как физически, так и морально. Если так пойдет и дальше, то наша боеспособность резко упадет.

Рядом со мной возник словно ниоткуда Литас, накинул мне на плечи толстое одеяло и в свою очередь всмотрелся в темнеющее ущелье.

– Спасибо. – машинально поблагодарил я и добавил: – Литас… кликни-ка отца Флатиса, да поживее. Что-то тут не ладно. И скажи кому-нибудь, пусть принесут мои сапоги.

– Да, господин.

Литас, скользя по ледяной изморози, поспешил к лестнице, а я развернулся к Рикару и распорядился:

– Рикар, оставь на стене десяток воинов. Остальных отправляй в пещеру. Доспехи никому не снимать, и, вообще, пусть будут наготове. Дело нечисто…

Здоровяк молча кивнул и тут же начал отдавать отрывистые распоряжения.

Вновь взглянув на мерцающий огонек далекого факела, я убедился, что он не исчез. Лени все еще был в ущелье и, похоже, неподвижно стоял на месте. Хотя нет… Вглядевшись получше, я недоуменно моргнул: казалось, что рыжий Лени топтался на месте – несколько шагов к выходу из ущелья, а затем столько же шагов обратно к стене.

Сверху донесся протяжный окрик. Вздернув лицо вверх, я с облегчением увидел два ярких огня на вершине Подковы. Часовые были на месте и подавали условленный знак, что у них все в порядке. Хорошо.

Вскоре суматоха на стене улеглась, лишние факелы и костры погасли. Большая часть людей ушла в пещеру. На стене остался лишь смешанный десяток воинов из людей и гномов, настороженно смотрящих в глубины скалистого ущелья.

Еще через минуту на стену доставили наспех одетого священника – двое дюжих воинов, поддерживая старика за плечи, торопливо подвели его ко мне и поставили на землю.

– Что случилось, сын мой? – никак не выказывая неудовольствия от столь бесцеремонного обращения, спросил святой отец. – Шурды?

– Сам не пойму, святой отец. – покачал я головой и ткнул пальцем в ущелье: – Чертовщина какая-то. Лени вырубил часового и покинул пост. Сейчас он в внизу. Видите, свет факела? Там, где ущелье изгибается в сторону.

– Вижу. – прищурившись, кивнул старик.

– Сам Лени уйти не мог, – пояснил я, – равно, как и предать меня. Возможно, тут замешана магия, а тогда это уже по вашей части.

– Ты прав, Корис. – кивнул священник, поводя головой по сторонам и словно принюхиваясь. – Здесь замешана магия. Черная магия шурдов. Все ущелье

пропитано эманациями этой мерзости.

– Так… – протянул я. Такого четкого ответа я никак не ожидал.

В глубине души я надеялся, что рыжий Лени просто во власти временного помешательства. Не выдержал напряжения последних дней, изнурительной работы, вот и слетел с катушек. Но после категоричных слов священника эту версию пришлось отбросить и забыть. Черная магия шурдов. А шурды пользуются лишь одной магией – некромантией.

– Святой отец… Но как шурдам удалось попасть на стену? – недоумевая, спросил я. – Как вообще им удалось незаметно подобраться к стене? Повсюду часовые!

– Шурдов не было на стене, сын мой. – отмахнулся священник и сделал несколько шагов к краю стены. – Не забывай – я провел церковный ритуал со священным цветком Раймены. Обряд освящения для стены. Ежели какая нечисть даже прикоснется к защитной стене, я об этом тотчас узнаю.

– Ясно… Что ничего не ясно. – буркнул я. – И что сейчас?

– Сейчас просто помолчи немного, сын мой, мне нужна толика времени, чтобы понять, что именно случилось.

– Э… Понял. Уже молчу, святой отец. – ответил я, нисколько не обижаясь на резкую отповедь.

Сделав шаг в сторону, я переступил заледеневшими ногами и повертел головой по сторонам в поисках костра. Пылающий костер обнаружился в десятке шагов от меня, и я поспешил туда. Добравшись до пышущего жаром огня, я плюхнулся на лежащее рядом бревно и протянул ноги к костру, с трудом удерживаясь от того, чтобы не засунуть пятки поглубже в раскаленные угли. Где-то наверху натужно скрипела лебедка подъемника – Рикар решил проверить часовых на вершине и заодно сменить их.

– Возьмите, господин. – вернувшийся Литас сунул мне в руки сапоги и вновь убежал.

Подержав ноги еще пару минут рядом с огнем, я наспех обулся и поднялся с бревна.

Священник стоял на том же месте, где я его оставил – у самого края стены – и по-прежнему смотрел в глубину ущелья, скрестив руки на груди.

Подойдя к нему, я помолчал, но видя, что старик не собирается просвещать меня, не выдержал и спросил:

– Святой отец, долго смотреть будем? У меня здесь десяток воинов наготове – спустимся и заберем Лени обратно в форт. Я не собираюсь оставлять своего человека в ущелье и ждать, пока он окончательно исчезнет из виду.

– Благое намерение, сын мой, – спокойно кивнул отец Флатис, – благое… Но не нужное.

– Почему? – задал я логичный вопрос, с трудом сдерживая злобный рык. Святой отец Флатис в своем любимом амплуа – вроде бы и отвечает, но все как-то недосказано.

– Взгляни на огонь факела, сын мой, – ответил старик и вытянул палец к ущелью, – Лени не уходит дальше. Напротив – он возвращается обратно к стене. И возвращается быстро, словно бежит изо всех сил.

Священник был прав – скудный свет факел мерцал, иногда пропадал за большими валунами, но, несомненно, приближался. Что это могло значить, я не знал, но был рад, что Лени решил выбрать именно это направление.

– Рикар! Литас! – крикнул я, не оборачиваясь.

Когда они подбежали, я коротко распорядился:

– Готовьтесь опускать подъемник. Если Лени один, то поднимем его наверх. Приготовьте воинов – на всякий случай.

– Я все еще чувствую магию шурдов. – прошелестел священник, не отрывая взгляда от ущелья. – И она приближается. Приближается вместе с Лени.

Переварив высказывание отца Флатиса, я добавил:

– Подъемник не опускать до моего приказа… И готовьте арбалеты…

Лени добрался до стены за рекордно короткое время, оно и немудрено – он бежал всю дорогу. Даже не бежал, а несся вперед огромными прыжками, подняв высоко над головой уже затухающий факел, а другую руку прижав к животу.

За это время, все воины, включая Литаса и Рикара, уже успели вооружиться арбалетами, и теперь острия арбалетных болтов неотступно следовали за внезапно сошедшим с ума часовым. Безоружными осталось лишь два человека – я сам и отец Флатис. Когда священника выдернули из пещеры, то забыли прихватить его вытертый посох, впрочем, не похоже, чтобы твердо стоящий на ногах старик нуждался в поддержке. Такой сам кого хочешь поддержит…

Подбежав к стене, Лени первым делом метнулся к тому месту, где должна была находиться опущенная им платформа подъемника и, обнаружив там лишь утоптанный снег, в замешательстве остановился, недоуменно крутя головой по сторонам и выдыхая облака пара. Взглянуть вверх, где маячили огни факелов и наши напряженные лица, ему в голову не пришло. Это еще больше убедило меня, что с рыжим Лени далеко не все в порядке.

Вглядываясь в темноту позади него, я не заметил присутствия кого-либо еще и несколько успокоился. Да и сам незадачливый часовой не нес на себе никаких видимых признаков чего-то необычного, за исключением своего странного поведения.

Смотрящий на фигурку у подножия стены поверх взведенного арбалета, Рикар повернул лицо ко мне и состроил вопросительную гримасу.

– Поговори с ним. – тихо ответил я на его безмолвный вопрос.

– Я сам! – не понижая голоса проворчал священник и, опустив лицо, громко крикнул: – Лени! Лени! Сын мой, ты меня слышишь?

Услышав резкий окрик, Лени вздрогнул, крутнулся на месте, зачем-то взглянул себе под ноги, но наверх так и не посмотрел! Зато, начал водить вокруг себя

факелом, пытаясь увидеть окрикнувшего его человека.

– Может, он головой своей дурной о камень приложился? – тихо предположил Литас, не отрывая взгляда от Лени. – Когда спускался… ведь он только по веревке мог спуститься… сорвался и рухнул. А высота здесь та еще…

– Да нет… – мотнул я головой. – Тут что-то другое. Помнишь историю о Реджере, уничтожившем защиту поселения Ван Ферсис?

– Лени! Посмотри наверх! – вновь крикнул отец Флатис и взяв у стоящего рядом воина факел, поднес его к своему лицу. – Взгляни наверх!

Это подействовало. Рывком подняв голову вверх, Лени увидел нас и осклабился в безумной улыбке. Скользнул взглядом по лицам, словно ища кого-то конкретного и, зацепившись глазами за меня, обрадовано заорал, приплясывая на месте:

– Господин! Я нашел его! Все как вы велели, господин! Он у меня здесь, с собой!

– Что? – поразился я и в свою очередь, шагнул к краю стены: – Лени, что ты говоришь? Что я велел тебе?

– Погоди, сын мой, – остановил меня священник, – он не в себе. Сам не понимает, что говорит.

– Это я понял, святой отец, – огрызнулся я, – ведь я ничего не приказывал ему. Но он почему-то уверен в обратном!

– Господин! Позвольте отнести его вам! – не унимался Лени. – Он великолепен! Самая красивая штука, из всех, что я видел в своей жизни!

– Тьфу ты! – досадливо сплюнул Рикар. – Что за чушь он несет, господин? Какая еще штука?

– Хотел бы я знать! – качнул я головой и вновь заорал, срывая голосовые связки: – Лени! Покажи мне, что ты принес!

– Слушаюсь, господин! Вот! Взгляните, какая прелесть! Век бы любовался!

Лени одним движением выпростал из-под одежды что-то непонятное, больше всего напоминающее длинную палку со странным утолщением на верхнем конце, и воздел ее над головой. Практичный Рикар мгновенно среагировал и сбросил вниз сразу два пылающих факела, чтобы прибавить света у подножия стены. Мы напряженно уставились на зажатую в руке Лени штуковину.

Теперь я смог рассмотреть предмет в деталях и почувствовал, как по плечам прошла волна холода. Это была не палка. Скорее, длинная кость с насаженным на конце человеческим черепом с оскаленными зубами.

– Создатель Милостивый! Господин, это же та штуковина, что давешние шурды оставили в ущелье! – пораженно выдавил здоровяк. – Помните, один отстал от остальных и воткнул что-то в землю!

– И вы молчали?! – взревел священник, воткнув в меня пылающий взгляд.

В ответ я лишь виновато развел руками. Говорить было нечего. А ведь я собственными глазами видел этот прощальный подарок от шурдов, и вместо того, чтобы все проверить, побежал слушать древнюю легенду о Твердыне. Словно деревенский юнец при виде седого менестреля! Идиот!

– Не подумали. – ответил Рикар за нас обоих. – Кто же мог знать?

– Не подумали?! – взорвался священник и ткнул костлявым пальцем вниз: – А вот он, кажется, подумал! На свою дурную голову!

– Господин! Господин! Вы видите?! Видите?! – не замолкая ни на секунду, орал Лени, потрясая над головой костью. – Видите?!

– Хватит! – не выдержал я, морщась от захлебывающихся криков Лени. – Святой отец, что скажете? Это Лени? Или похожая на него нежить? Или, может, это уже не Лени, а самый настоящий мертвяк?

– Это Лени! Несомненно! – твердо проговорил священник. – Но он под властью магических заклинаний. Магия шурдов. Думаю…

– Погодите, святой отец, погодите. – остановил я отца Флатиса. – Вы сможете с этим справиться, если я прикажу поднять его на стену?

– Да! – коротко ответил старик – Смогу!

– А эта штуковина у него в руке? Не рванет?

Получив в ответ недоумевающие взгляды со всех сторон, я лишь сплюнул и повторил вопрос:

– Отец Флатис, с этой хре… штуковиной, что у него в руке, справиться сможете?

– Смогу. – столь же твердо ответил отец Флатис. – Ни одно творение проклятых некромантов не устоит перед истинной силой Создателя нашего милостивого!

– Вот и ладно. Рикар!

– Да, господин! – шагнул ко мне здоровяк. – Прикажете опустить подъемник?

– Нет. Спустите ему веревку. Пусть обвяжется, а потом… Да ты и сам знаешь! Командуй!

– Да, господин! – здоровяк резко развернулся и окрикнул напряженно застывших воинов с арбалетами: – Ближняя ко мне пятерка – отложить арбалеты и ко мне! Остальные – не спускать глаз с рыжего склирса, чтоб ему пусто было! Если дергаться начнет или смыться вздумает – стреляйте! Литас, тащи веревку!

Лени дергаться и не подумал. Напротив – он подпрыгивал от желания побыстрее подняться на стену и не затыкался ни на секунду. За пару минут, которые потребовались, чтобы найти подходящей длины веревку, вопли Лени достали всех находящихся на стене и уж точно перебудили половину обитателей Диких Земель.

Наконец бухта веревки улетела вниз и плюхнулась в снег прямо у ног рыжего. Тот, недолго думая, ухватился за веревку одной рукой и заорал, чтобы его поднимали. Еще пять минут ушло на то, чтобы образумить спятившего Лени и убедить его обвязать конец веревки вокруг пояса. Неохотно вняв нашим

многоголосым увещеваниям, он наконец последовал нашим советам, несколько раз обернул веревку вокруг себя и завязал узел.

В тот же миг, Рикар хрипло рявкнул:

– Тащи!

Сразу десяток рук рванули веревку на себя и потащили Лени вверх. От неожиданного рывка он выронил почти потухший факел, но продолжал держать мертвой хваткой кость с черепом.

Подъем занял немного времени, и вот рыжий дезертир уже перевалился через край стены, помогая себе одной рукой, кое-как поднялся на ноги и тут же поковылял в мою сторону, не обращая ни малейшего внимания на наведенные на него арбалеты. При этом он не переставал улыбаться и кричать:

– Господин! Вот он! Счастье-то какое! Еле нашел! И как вы велели – сразу к вам побежал! Что есть сил мчался!

Не успел я открыть рот, чтобы как-то успокоить безумца, как меня бесцеремонно отодвинули в сторону, и навстречу ему шагнул отец Флатис.

– Не подпускайте его! Натяните веревку и держите! – коротко приказал священник, не спуская взгляда с лица Лени.

Веревка натянулась, и Лени застыл на месте, при этом не переставая перебирать ногами в тщетной попытке добраться до меня. Дергался он довольно сильно, поскальзывался на льду, падал и тут же вставал на ноги. На стене поднялся гомон. Стреноженного рыжего окружили со всех сторон. Каждый старался вставить словечко, и за этим шумом увещевающий голос священника окончательно затерялся.

– Держите крепче!

– Вырывается, тварь такая!

– Дети мои! Не подходите к нему!

– Лени! Лени! Ты меня узнаешь? Это же я, Литас!

– Может, в ногу ему стрельнуть? Больно прыткий!

– Господин, взгляните какая прелесть! – бубнил Лени, пуская по подбородку слюни. – Бежал изо всех сил!

– Господин, не надо никуда глядеть! – это обеспокоенно прогудел здоровяк, хищно поглаживая обух своего топора.

– Держи его!

– Святой отец! Вы бы не подходили так близко! Кто его знает!

С каждой секундой, мне начинало казаться, что я попал на какое-то безумное представление сумасшедших артистов. Больше сдерживать свои эмоции я не мог и в бешенстве заорал:

– Да замолчите вы все, наконец! Вашу ж мать! Все заткнитесь! И не вздумайте стрелять! Святой отец, сделайте уже что-нибудь!

Подействовало. Шум отрезало, как по волшебству – если не считать Лени. Сгрудившиеся вокруг беснующегося на веревке безумца воины расступились в стороны и открыли дорогу отцу Флатису.

Дальнейшие события произошли за долю секунды. Отец Флатис широко шагнул вперед, протянув правую руку, опустил раскрытую ладонь на лоб Лени и коротко произнес фразу на непонятном языке. Ноги у несчастного подкосились, и он рухнул навзничь, словно мешок с зерном. Рука застывшего на земле Лени безвольно разжалась. С сухим стуком жезл выкатился из скрюченных пальцев и покатился по камням. Над стеной повисла мертвая тишина.

Мы стояли широким полукругом, и перед нами вытянулось тело Лени. Даже находясь без сознания, он продолжал счастливо улыбаться. Шагнув вплотную к нему, священник без страха наклонился и внимательно вгляделся в лицо рыжего, коснулся пальцами его лба и на мгновение замер в этой позе. Кивнул в такт своим мыслям и, не проронив ни единого слова, переключился на лежащую

рядом с Лени сухую кость. Окинул ее оценивающим взглядом и, поведя плечами, словно разминая их перед дракой, одним быстрым движением подхватил кость с земли.

Дальнейшего я не увидел – яркая белая вспышка скрыла в себе силуэт святого отца и на несколько мгновений ослепила меня. Судя по ошеломленным возгласам со всех сторон, ослепило не только меня. С трудом проморгавшись, я вытер ладонью слезящиеся глаза и с облегчением убедился, что опять могу видеть, хотя передо мной все еще сверкали радужные круги.

За это время ситуация никак не изменилась. Лени продолжал безжизненно лежать на ледяных камнях, а над ним стоял отец Флатис и, с выражением крайней брезгливости на лице, рассматривал костяной жезл. Вернее, то, что от этого жезла осталось – длинная кость расщепилась и почернела, словно побывала в пламени кузнечного горна, череп остался целым, но тоже обуглился словно головешка.

Перехватив жезл обеими руками, священник с силой развел их в стороны и отделил череп. В то же мгновение оставшийся без своего ужасного украшения жезл рассыпался в прах. Брезгливо отряхнув руки от костяной пыли, священник поднес череп к своему лицу и, на секунду вглядевшись в его пустые глазницы, горестно пробормотал:

– Какая мерзость… Бедная, бедная девушка. Один лишь Создатель знает, через что пришлось пройти твоей безвинной душе…

Оглядевшись по сторонам, я покачал головой, впечатленный представшей моему взору картиной – свет факелов вырывает из ночи небольшой круг неправильной формы, внутри которого лежит безжизненное тело и стоит сгорбленная фигура старика с человеческим черепом в руке. Над нашими головами завывает ледяной северный ветер, лица воинов напряжены в ожидании опасности…

– Быть или не быть, вот в чем вопрос. – произнес я неожиданно для самого себя и тут же смутился, узрев направленные в мою сторону удивленные взоры людей. Откашлявшись, я добавил: – Святой отец, что с Лени?

Очнувшись от раздумий, священник взглянул на меня и произнес:

– Он спит. Зло покинуло его. Отнесите Лени в мой угол и положите на кровать – он будет спать всю ночь и день. Эту мерзость, – священник ткнул в черное пятно у своих ног, – я уничтожил. Пятно не трогать и не наступать на него – завтра, с первыми лучами солнца, оно окончательно развеется.

Командовать мне не пришлось – подгоняемые рыком Рикара, люди сноровисто подхватили безвольное тело Лени и, подняв его на плечи, понесли к лестнице, радостно переговариваясь на ходу. Опасность миновала, и на стене осталась лишь четверка часовых – Рикар решил перестраховаться и удвоил стражу. И я его в этом полностью поддерживал – повторения подобного я решительно не хотел.

Зато теперь у меня появились новые предположения о том, как шурдам удалось прорвать защиту поселения Ван Ферсис – возможно, горемычный Реджер попал под влияние установленного неподалеку костяного жезла и самолично пришел прямиком в лапы шурдам. Хорошее предположение… вот только никак не вяжется с тем, что Лени пошел не к шурдам, а вернулся в форт… Есть над чем поломать голову…

Да и второй часовой никак не почувствовал на себе зов шурдской магии…

Отец Флатис, не обращая на нас ни малейшего внимания, буднично укутал череп полой своей куртки и, подняв голову к темному небу, зашептал молитву. Закончить ему не удалось – темноту позади нас разорвали удивленные возгласы спускающихся по лестнице людей, а затем, на вершину стены вырвался… Стефий. Одетый лишь в исподнее, с трудом перебирающий босыми ногами, с перевязанной головой и полубезумным взором, он бежал к нам и, еле шевеля губами, несвязно бормотал:

– Господин! Отец Флатис! Опасность! Темная магия!.. Я почувствовал! Опасность! Вспышка… магия…

На следующем шаге его ноги подогнулись и, не дожидаясь, пока он опять приложится о камень ушибленной головой, я дернулся к нему и заорал:

– Ловите его! Рикар! Литас!

Первым успел Литас – глава охотников одним змеиным движением оказался рядом с падающим пареньком и бережно подхватил его на руки. Следующим подоспел отец Флатис – склонившись на все еще бормочущим предостережения Стефием, старик что-то успокаивающе забубнил и ласково погладил его по голове. Возможно, мне почудилось, но я явно услышал в голосе вечно сурового старика нотки радости.

– Очнулся! – довольно прогудел стоящий рядом со мной здоровяк. – Очнулся-таки! Радость какая! Не попустил Создатель Милостивый!

– И не говори. – согласился я и добавил: – Ну и ночка!

– Да, господин, – кивнул здоровяк, – прямо как в старые деньки, когда мы охраняли торговые форпосты от набегов… Эх… были же времена! Пойдемте в пещеру, господин, не ровен час, простудитесь, кашлять будете…

– Рикар! Хватит со мной нянчиться! – беззлобно буркнул я, послушно шагая к лестнице – только сейчас я почувствовал в полной мере, насколько сильно замерз за два последних часа…

Перед нами осторожно шел Литас, неся на руках Стефия, рядом с ним семенил священник и что-то внушал охотнику – не иначе, грозил ему всеми небесными карами, если тот споткнется и уронит драгоценный груз.

– А святой отец к парнишке-то привязался. – хмыкнул здоровяк. – Как к родному относится…

– Угу. – согласился я и с нетерпением устремился к виднеющемуся впереди пятну света – в пещере было тепло и уютно.

* * *

Львиная часть потраченного времени ушла на события у защитной стены, затем мы сидели рядком на узкой скамье в лечебнице и ждали пробуждения Лени. Не дождались. Рыжий продолжал довольно похрапывать, а будить его отец Флатис настрого запретил. На соседней кровати посапывал Стефий – его немного напоили горячим бульоном, и священник вновь погрузил его в сон – но на этот

раз паренек именно спал, а не лежал в беспамятстве. Это не могло не радовать. Да и отец Флатис был несказанно обрадован тем, что Стефий наконец проснулся, и я надеялся этим воспользоваться – хорошенько расспросить старика о недавних событиях. Но узнать удалось совсем немного.

Священник развел руками и сокрушенно посетовал, что о предметной магии и некромантии шурдов могут поведать лишь братья из ордена Привратников – именно этим скромным священнослужителями приходится иметь дело с измененными тварями и шурдами из Диких Земель. У них накопился многовековой опыт и обширные знания. Вот только делиться своими знаниями орден Привратников не спешит.

Но все же кое-что полезное я узнал. Костяной жезл должен был подчинить Лени своей воле и заставить выполнять свои приказы. Остальное мы сможем узнать, когда спящий проснется. Конечно, если он вообще сможет вспомнить события прошлой ночи…

Заключенное в костяном жезле заклинание чем-то похоже на магию ментальных магов, хотя это чистой воды некромантия. Немного помолчав, святой отец поднял на меня взгляд и сухо добавил:

– В этом и есть проклятое притяженье некромантии. Именно этим она и подкупает глупцов, хотящих обрести могущество.

– А поподробней, святой отец? – не на шутку заинтересовался я. – Чем, говорите, привлекает?

– В отличие от обычной магии у некромантии нет ограничений, нет предела. – неохотно пояснил отец Флатис. – Умелый некромант легко заткнет за пояс обычного боевого мага. Некромант более разносторонен, более пластичен, не привязан к источникам магической энергии… Понимаешь, сын мой?

– Почти. – задумчиво кивнул я.

– Но знай – когда-нибудь каждый, кто дерзнул прикоснуться к черной магии, получит страшную кару на Последнем Суде!

– Тоже неплохо. – хмыкнул я. – Вот только жаль, что шурды об этом ничего не знают и продолжают свои козни. Все! Всем спать!

Когда я, еле волоча ноги, добрался до входа в свой закуток, было уже очень далеко за полночь, и в моей голове отчетливо засело сладостное видение: кровать, на которую я сейчас рухну, подушка, в которую я уткнусь лицом и одеяло – которым я тотчас укутаюсь. Еще только подходя к своей каморке, я уже начал стаскивать рубаху через голову и, широко зевая, ввалился внутрь, чтобы поперхнуться этим самым зевком и со стуком захлопнуть рот, едва не прищемив язык.

– А вот и друг Корис. – пробасил гном, перебравшийся с лавки на широкий табурет – не иначе, приволок его с кухни. – А мы уже заждались!

– Ик виртес, Корис! – поддакнул сидящий рядом с ним Тикса и в знак приветствия отсалютовал мне кружкой с отваром.

– Угу. – несколько невнятно ответил я, поспешно напяливая обратно рубаху, да еще и умудрился оглядеться по сторонам, убедившись, что за время моего отсутствия, каморка сильно изменилась.

Аллариcса по-прежнему сидела на моей кровати, разве что расположилась с гораздо большим удобством – подоткнула под спину подушку и так укуталась в одеяло, что виднелись лишь голова и рука с зажатой в ней кружкой. Похоже, мечту рухнуть в постель и выспаться можно напрочь выкинуть из головы. Девушка молча наблюдала за мной поверх поднесенной к губам кружки и, судя по всему, покидать мою кровать в ближайшее время она не собиралась.

В центре моей отгороженной от общей пещеры каморки появился широкий стол, на котором стояло несколько тарелок с аккуратно нарезанным мясом, грибами и прочими вкусностями из нашей кладовой. Среди тарелок возвышался завернутый в шкуру чайник, и стояло несколько чистых кружек. Рядом со столом приткнулась деревянная скамейка и пара табуреток – теперь я точно уверился, что наша кухня была ограблена самым бессовестным образом, и не исключено, что вскоре сюда ворвется разъяренная Нилиена со своим черпаком наперевес.

Все ясно. Убедившись, что тревога миновала, мои гости решили не терять времени даром и подготовиться к продолжению повествования о Твердыне и

Тарисе Некроманте. Учитывая появившегося Тиксу и еще несколько свободных мест вокруг стола, ожидалось прибавление любителей послушать на ночь древние легенды.

«Поспать мне сегодня не удастся» – подытожил я мысленно. Впрочем, я не сожалел об этом. Начатое Койном повествование надежно захватило мое воображение, и я был совсем не прочь услышать продолжение истории.

Несколько приведя себя в порядок, я аккуратно повесил перевязь с мечом на стену около двери, повернулся к нежданным гостям и в свою очередь поприветствовал каждого по отдельности.

– Рад, что твой рыжий человек в порядке. – сказал Койн. – Надеюсь, с ним все будет хорошо.

– Его зовут Лени. – рассмеялся я. – И с ним все будет хорошо – наш священник позаботится об этом. Сейчас он спит и набирается сил. Кстати, о сне! Баронесса, разве для столь юной девушки сейчас не самое место в постели? – я намекающее улыбнулся насторожившейся Але.

– Я и так в постели. – буркнула Аллариcса и поерзала, устраиваясь поудобнее. – И пока не услышу продолжения истории от доброго мастера Койна, никуда не пойду! К тому же не понимаю, чем ты сейчас недоволен – я лишь выполняю твою личную просьбу!

– Что? – несколько опешил я, получив столь твердую отповедь. – Мою просьбу?!

Койн, отвернувшись в сторону, захрюкал в тщетной попытке удержаться от смеха. Тикса остался безучастен к происходящему – общий язык он практически не знал, поэтому предпочел дегустировать содержимое своей кружки.

– Ну да. – кивнула девушка. – Ты же сам сказал мне – «Сиди здесь!». Прямо перед тем, как выбежать прочь за мастером Койном!

– Э-э-э… – выдавил я из себя, но затем наткнулся на искрящийся взгляд Аллариссы, не выдержал, махнул рукой и рассмеялся. – Тоже верно. Ну, я тебе не отец и решать за тебя не собираюсь. Хочешь сидеть и слушать до утра – дело

твое. Главное, чтобы мастер Койн согласился продолжить рассказ.

– О-о! – возмутился Койн. – Хорошая история всегда должна быть рассказана до конца! Я взял на себя смелость позвать Тиксу – ему не помешает хорошая практика в общем языке. Друг Литас тоже обещал прийти и послушать.

– И дядька Рикар. – добавила Аля.

– Да! И Рикар. – согласился Койн и, подцепив с тарелки полоску сушеного мяса, отправил ее в рот.

– Как-как ты его назвала? – переспросил я у Аллариссы.

– Дядька Рикар. – повторила девушка. – А что? Он сам сказал мне так его называть.

– Ясно. Да нет, ничего. – покачал я головой. – Ну, тогда подождем остальных. Кому добавить горячего отвара?

Лучшим ответом стали дружно протянутые ко мне глиняные кружки. Отвара хотелось всем. Оно и понятно – в такую холодную ночь самое время неспешно потягивать горячий бодрящий напиток у потрескивающего очага или камина.

Камином моя каморка похвастаться не могла, но на столе и около кровати горели жировые лампы, создавая некий уют и теплую атмосферу. В общем, в наших почти спартанских условиях большего и желать нельзя.

Щедрой рукой наполнив кружки собравшихся, я не обделил и себя – с грустью заметив, что пока меня не было, баронесса самым наглым образом присвоила мою любимую небьющуюся кружку. Пришлось довольствоваться другой посудиной. Когда я закончил разливать отвар, Койн толкнул Тиксу в бок, и тот, понятливо кивнув, полез за пазуху и выудил оттуда плотно закрытую железную флягу. Споро свернул пробку и с отработанной сноровистостью набулькал в кружки гномов какой-то темной жидкости. По моей каморке разнесся резкий пряный запах.

Заметив мой вопросительный взгляд, Койн спохватился и предложил:

– Не желаете? По паре капель?

– А что это? – предусмотрительно спросил я, отодвигая свою кружку от потянувшегося за ней Тиксы.

– Так… – неопределенно пошевелил пальцами гном. – Настоечка… Чтобы согреться…

– Давайте! – решительно кивнула Аллариcса и протянула кружку Тиксе.

Мне оставалось лишь последовать ее примеру. Тикса быстро добавил в горячий отвар толику гномьей «настоечки» и столь же молниеносно спрятал флягу обратно за пазуху.

Осторожно отхлебнув из своей кружки, я удивленно поднял брови – вопреки моим опасениям, вкус был достаточно приятен. Просто добавилось несколько новых вкусовых оттенков, ну и отвар стал гораздо «крепче». По телу пробежала приятная волна тепла, сразу же зашевелились замерзшие пальцы ног.

– Хорошая настойка. – похвалил я напиток. – Из чего вы ее делаете?

– Да… когда как. – хмыкнул Койн. – Думаю, тебе лучше этого не знать, друг Корис.

– Ясно. – улыбнулся я и покосился на Аллариссу, которая после столь неопределенных слов Койна надолго задумалась над своей кружкой.

– Ну, друзья! – нарушил тишину Койн. – Так на чем же мы остановились в прошлый раз?.. Ах да! Император Мезеран самолично прибыл на осмотр возведенной Твердыни…

* * *

Нетрудно догадаться, что владыка Мезеран был не просто удовлетворен мощью выстроенной гномами цитадели – он был просто потрясен до глубины души и не скрывал этого.

Перед тем как покинуть Твердынь, император плодотворно побеседовал со старшим мастером и зодчим и подтвердил свое намерение о строительстве еще нескольких крепостей, не забыв подкрепить свои слова огромным сундуком, который с великим трудом поднимали шестеро дюжих гномов. Содержимое сундука было благополучно переправлено в сокровищницу Подгорного Народа, а мастера-гномы собрали свои немногочисленные пожитки и покинули Твердынь. Они двигались на север – на уже облюбованную площадку для следующей цитадели. Никто не подозревал, что возведение крепости никогда не будет завершено – спустя пять лет после начала стройки второй цитадели, западные провинции восстали против власти Императора Мезерана.

Началась кровавая война.

Западные земли восстали в один день, в один и тот же миг, так, словно кто-то умело подготовил восстание, заботливо продумал каждую деталь и кропотливо воплотил свои замыслы в жизнь…

Так оно и было, но пока этого еще никто не знал. Более того – император Мезеран продолжал слепо верить своему младшему брату Тарису и слал ему «вестники» со слезными просьбами образумить дворянские роды… Никто еще ничего не знал…

Равно как и того, что через каких-то три года многолюдные западные провинции навсегда канут в лету, окутанные огнем, сотрясаемые чудовищными землетрясениями и пораженные невиданными ранее болезнями… и что из черного пепла городов и изуродованной земли родится то, что спустя годы назовут Дикими Землями…

Но горькое осознание чудовищной истины пришло не сразу.

Огромная Империя привыкла к постоянным бунтам, восстаниями и недовольствам. Привыкла настолько, что доклады о беспорядках зачастую и вовсе не доходили до Императора – зачем беспокоить владыку столь ничтожными мелочами? К тому же, ведь решение проблемы столь очевидно – карательный отряд мгновенно приводил в чувство недовольных дворян, вешал непокорных крестьян, и на этом беспорядки заканчивались…

Но в западных провинциях дело обстояло совсем иначе. Там начинался даже не бунт, а самый настоящий государственный переворот.

Находящиеся в западных провинциях имперские войска переметнулись на сторону бунтующих. Дворянские роды примкнули к восстанию и, в свою очередь, выставили многочисленные и хорошо вооруженные отряды. Как по волшебству, все свободные отряды наемников оказались завербованы дворянами и купцами с западных земель. В столицу летели панические «вестники» от городских наместников, имперских чиновников и тайных соглядатаев – все эти послания содержали одно и то же – восстание захлестнуло все города, повсюду свергаются с пьедестала священные статуи императора, захвачены порты и находящиеся на стоянке суда. При этом в Империи даже не подозревали, что ни одна из деревень в западных землях не была разорена, ни один замок не был захвачен, ни один купеческий караван не был разграблен. Более того – своей властью принц Тарис вдвое снизил все налоги и успокоил взволновавшихся было купцов и ремесленников. Жизнь обычных граждан шла своим чередом. Большая часть из них даже и не подозревала о надвигающейся войне. В городах продолжалась торговля, а стража продолжала исправно отлавливать воров и грабителей.

И постепенно люди убеждались, что все в порядке, бояться нечего… вот только один за другим начали бесследно пропадать священники. В нескольких местах внезапно вспыхнули и сгорели дотла церкви и часовни… Но такое случалось и раньше, а лето выдалось на редкость засушливое… Бывает…

Через неделю после начала бунта все дворянские роды присягнули на верность принцу Тарису и провозгласили его единственным законным правителем Империи. Владыка Мезеран был объявлен узурпатором. Еще через три дня Тарис двинул свою армию по направлению к столице.

К этому моменту император Мезеран уже знал о настоящей роли своего брата во вспыхнувшем бунте. Знал о том, что Тарис объявил себя истинным императором, знал, что к столице движутся мятежные войска…

Говорят, что когда владыка узнал горькую правду, то надолго уединился в своих покоях, чтобы никто не видел охватившей его скорби. Однако позднее прислуга перешептывалась, что в императорских покоях не осталось ни единой целой вещи – все было разбито, сломано и разорвано в клочья.

Когда владыка вновь вышел к ожидающим его приказов людям, это уже был совсем другой человек. От Мезерана Милостивого не осталось даже намека. Когда военачальники получили его прямой приказ, то они содрогнулись – по вступлению на территорию западных провинций солдатам предписывалось уничтожать все живое на своем пути, ровнять с землей дома и постройки, сжигать поля и плодоносящие сады. После такого западные земли на долгие годы должны были превратиться в безжизненную и бесплодную пустыню.

Немедленной казни без суда подлежали все дворяне, посмевшие восстать против законного правителя Империи. Все, за исключением принца Тариса – его Мезеран приказал доставить в столицу и обязательно живым.

«Вестники» разлетелись во все стороны огромной Империи, и вскоре регулярная армия двинулась в сторону западных провинций. Конные и пешие войска заполнили дороги до отказа, вслед за ними тащились длинные обозы из заполненных снаряжением и провизией подвод. Обособленно от остальных, чтобы не глотать дорожную пыль, величаво ехали боевые магии – выпускники Магической Академии, надежда и опора Империи. Именно на них владыка Мезеран возлагал свои самые большие надежды в быстрой победе над посмевшими восстать против его воли. На боевых магов и великолепно обученные войска.

Пусть Тарису удалось собрать под своим знаменем достаточно много солдат, но ведь это сборище никак не может сравниться с великолепно обученной имперской армией! На стороне императора опытные полководцы – те, кто многократно закален в ожесточенных боях.

По уверениям министров и прочих придворных лизоблюдов самое большее через месяц принц Тарис будет доставлен в дворец императора на справедливый суд.

Нет, Мезеран не боялся поражения… Но он был раздражен – старые церковные крысы совсем выжили из ума! Они посмели противоречить самому императору и отказались благословить то, что, по мнению Церкви Создателя, станет самой настоящей братоубийственной войной!

Соглядатаи доложили, что темы проповедей и молебнов разительно изменились – теперь проклятые святоши прилюдно осуждали войну с западными провинциями и призывали царственных братьев примириться и не разжигать

костер вражды, в котором сгорит множество невинных душ… Тщетные попытки…

К взываниям священников никто не прислушался – помимо основной причины начала военных действий, война была чрезвычайно выгодным делом для многих купцов и дворянский родов. Даже простые солдаты надеялись набить свои заплечные мешки богатой добычей, поэтому призывы Церкви пропали втуне.

В знак протеста Церковь Создателя приказала всем армейским священнослужителям покинуть имперские войска и вернуться в монастыри и церковные ордена. Мало кто заметил и придал значение тому, что среди темных солдатских доспехов перестали мелькать белые балахоны священников. Церковь отошла в сторону и из-за глухих стен монастырей и соборов начала пристально наблюдать за развитием событий.

Армия императора Мезерана продолжала двигаться на запад – а навстречу ей шли войска мятежного принца Тариса, который, в отличие от своего оставшегося в столице брата, самолично возглавлял поход…

На этом месте Койн прервался и с искренней радостью поприветствовал вошедших в мой угол Литаса и Рикара:

– Ну, наконец-то! Тикса! Давай флягу! Тьфу! То есть – Тикса, риса да моти! – судя по слегка заплетающемуся языку, Койн добавил себе в кружку далеко не одну каплю настойки и уже изрядно захмелел. – И мне добавь! Киси ма! Киси ма!

Тикса в свою очередь что-то пробубнил на гномьем языке и вытащил из-за пазухи «моти» – похоже, именно под этим словом коротышки подразумевают флягу. Вновь заскрипела отвинчиваемая крышка и зазвучало знакомое бульканье.

С шумом плюхнувшись на скамью около стола, оба воина весьма охотно протянули кружки к гномьей фляге, из чего я понял, что они уже успели достаточно близко познакомиться с гномьей «настоечкой».

«И когда успели?» – завистливо подумал я. Пусть предложенная Койном настойка и была чрезмерно крепкой, но зато великолепно расслабляла. Надо бы рецептик вызнать.

Несмотря на то, что Койн назвал содержимое фляги настойкой, я был уверен, что это нечто совершенно другое. Более ядреное. В моей кружке с отваром плескалось от силы пара глотков этой настойки, но я уже чувствовал приятный шум в голове. Надо обязательно узнать, как именно коротышки делают такой крепкий напиток.

– И мне, пожалуйста, мастер Койн. – потянулась к гному Алларисса, помахивая опустевшей кружкой.

Заглянув внутрь своей посудины, я убедился, что она еще наполовину полна. М-да… Либо Алларисса пьет слишком быстро и много для столь юного возраста, либо я вообще пить не умею… Одно из двух.

– Друг Корис! Неужто ты еще не осушил свою кружку до дна? – удивленно прогудел Койн. – Не заболел ли ты часом?

Похоже, ответ я уже знаю – пить я не умею… Если уж меня перепила девчонка…

– Нет, Койн. – отрицательно мотнул я головой и двумя большими глотками осушил кружку, чтобы тут же протянуть ее за следующей порцией. – Просто заслушался. Ты очень интересно рассказываешь. Так, словно ты лично присутствовал при всех тех событиях.

– О нет. – улыбнулся гном и неспешно провел по бороде ладонью. – Мне всего семьдесят восемь лет, и я родился гораздо позже восстания Тариса Некроманта и возникновения Диких Земель.

– Вы читали об этом? – предположила Аля, принимая у Тиксы вновь наполненную кружку с отваром и гномьей настойкой. – Узнали из исторических хроник?

– Нет, квали Алларисса. – качнул головой Койн. – Все гораздо проще. Я происхожу из купеческого и ремесленного рода. Половину своей жизни я провел в торговых путешествиях между различными городами, и, поверьте мне – нет лучшего способа скоротать дорогу, чем слушать захватывающие истории о событиях минувших времен. Я знаю столько историй, что могу не смолкать до завтрашнего утра, но не успею поведать и тысячной доли!

– А про битву полководца Атикла с ордами варваров из северных степей знаешь? – зажегся здоровяк, баюкая в озябших руках горячую кружку.

– О! Великолепная история, друг мой! Слушай же внимательно! Когда варвары в очередной раз вторглись в пределы Низинной Равнины, то разграбили все…

– Мастер Койн! Подожди! – торопливо остановил я разошедшегося рассказчика. – Мы же собирались послушать историю об осаде Твердыни и Тарисе Некроманте!

– Господин! – взмолился Рикар. – История о Атикле гораздо интересней!

– Про осаду Твердыни! – твердо сказал я.

Рикар скорбно вздохнул, и, чтобы утешиться, потянул к себе тарелку с мясом.

– Да, лучше про осаду Твердыни. – неожиданно поддержала меня Аля. – Мы же дошли до самого интересного места! Когда две армии столкнулись на том плато и когда Тарис прибег к черной маг…

– Квали Аллариcса! Прошу вас! – всполошился Койн. – Такую историю надо рассказывать по порядку – так, словно глоток за глотком смакуешь старое выдержанное вино. А вы собираетесь проглотить благородный напиток залпом! Итак…

Койн рассказывал еще долго, лишь изредка прерываясь, чтобы сделать глоток отвара или прожевать полоску сушеного мяса. За это время к нам успели присоединиться братья-мастера, Тезка и даже отец Флатис – все они приходили узнать о несостоявшемся из-за рыжего Лени совещании, да так и оставались, чтобы послушать историю гнома.

После пятой по счету кружки с гномьей добавкой меня окончательно развезло, что, вкупе с накопившейся за день усталостью, привело к тому, что меня начало неудержимо клонить в сон. Голова постоянно норовила упасть на грудь, и лишь неимоверным усилием воли я удерживал глаза открытыми.

Последнее, что я помню – Койн начал рассказывать о том, как мятежные войска подступили к Твердыни и в этот момент, я окончательно отрубился…

Отступление первое

Осторожно приблизившись к увитой разросшимся плющом садовой беседке, слуга остановился в шаге от нее и почтительно замер, ожидая, когда господин обратит на него внимание.

Неохотно оторвав взгляд от зажатого в руке яблока, дворянин холодно бросил:

– Да?

– Пов… Господин, – поклонился слуга, – у меня важные известия для вас.

– Известия?

– Да, господин. Вы приказали поймать одного из святош, что крутятся вокруг имения, и хорошенько допросить его. – слуга сделал паузу и тайком бросил быстрый взгляд на хозяина.

– И что? – нетерпеливо прошипел Повелитель. – Я что, клещами должен из тебя слова вытягивать?! Тебя поторопить?! Поймали?! Допросили?!

– Да, да, господин. – заторопился старый слуга. – Все сделали, как вы приказывали! Все сделали!

– И? Он заговорил?

– Заговорил, господин. Поначалу долго держался, но на второй день всё же сломался. Знал он немного, но кое-что мы выведали – в Дикие Земли вместе с Ильсертариотом отправился священник из ордена Искореняющих Ересь, господин.

Лицо дворянина дрогнуло в судороге и вновь застыло безразличной маской.

– Искореняющий ушел вместе с отрядом поселенцев? В Дикие Земли?

– Да, господин. – еще ниже поклонился слуга. – Именно так. Но допрашиваемый не знает, зачем. Им просто велели приглядывать за вашим имением и ждать новостей.

После минутного размышления, Повелитель сказал:

– Хорошо… Что-нибудь еще?

– Соглядатаи, что присматривают за пограничьем, сообщают о некоем старом дворянине, господин. В сопровождении охраны разъезжает по пограничным форпостам и, по слухам, собирает отряд наемников. Берет лишь опытных вояк, но платит более чем щедро. Так же передали его словесное описание – седые редкие волосы, тонкие губы, визгливый смех…

– Ситас… – прошелестел Повелитель и резким движением отбросил яблоко в сторону. – Ситас Ван Мерти…

– Похоже именно так, господин. – поддакнул слуга. – Другие приметы тоже указывают на Ситаса Ван Мерти. Прикажете схватить его? Осмелюсь предположить, что один маг и пара десятков воинов…

– Нет! Не трогать! Вели продолжать приглядывать за этим старым псом… Но незаметно! Хочу знать о каждом его шаге, о каждом вздохе. Понял?

– Да, Повелитель! – подтвердил слуга и облегченно вздохнул – похоже, хозяин не гневается на него за плохие вести.

– Ступай. И помни – Ситаса Ван Мерти не трогать!

Последний раз склонившись в поклоне, слуга развернулся и поспешил к видневшемуся поодаль зданию, семеня по выложенной белым камнем дорожке.

Глава вторая

Сгущающиеся сумерки

– Ох… Господин, погодьте… ох… кажись, сейчас голова лопнет… – мученически простонал Рикар, держась руками за виски. – Ох… да куда ж вы так бежите-то!

– Сам знаешь куда! – рявкнул я на ходу и ускорил шаг. Жалеть похмельного здоровяка я не собирался – сам виноват, никто не заставлял столько пить.

Когда я уснул, веселая компания и не подумала расходиться. Тикса не поленился сбегать за второй флягой с гномьей «настойкой» – и этот поступок можно считать настоящим подвигом, учитывая, что ему пришлось спуститься в подземные гроты Подковы, пройти длинным коридором до пещеры с озером, где строилось гномье поселение и еще повторить весь путь обратно! И все ради одной фляги! Герой!

Веселье и застольные рассказы продолжались почти до утра. Вот и не удивительно, что Рикар сейчас зеленоватого цвета, мученически морщится от солнечного света и шагает, словно по скользкому льду – чтобы не трясти голову.

Поднять Рикара с постели оказалось чрезвычайно трудным делом – он нечленораздельно мычал, кутался с головой в одеяло и ругался. Но мне всё же удалось это сделать, и вот сейчас причитающий здоровяк тащился вслед за мной, охая на каждом шаге. Сам я был в относительном порядке – в отличие от остальных я заснул гораздо раньше, и за время сна последние пары гномьей отравы выветрились из моей головы.

Я направлялся на стену – осмотреть место, где отец Флатис развеял костяной жезл в прах. Хоть святой отец и уверял, что с первыми солнечными лучами вся пыль бесследно исчезнет, после случившегося с Лени я доверял лишь себе самому. Заодно проверю часовых и брошу пару взглядов на ущелье. Не верится мне, что шурды приходили, чтобы просто полюбоваться нашим поселением. Не иначе, Рикар прав и вскоре, надо ожидать штурма. И вот тогда все будет зависеть только от того, насколько серьезно темные гоблины восприняли наше поселение и насколько большие силы они пошлют на приступ.

Мотнув головой, я отогнал неприятные мысли прочь и бодро застучал подошвами сапог по широким ступенькам лестницы. Сзади слышалось неравномерное шарканье и глухие стоны – Рикар безуспешно силился не отстать от меня. Добравшись до верха стены, еще добрых три минуты я дожидался едва

плетущегося здоровяка и успел оглядеться по сторонам. Утренняя тишина и спокойствие. Искрящийся под лучами солнца снег слепил глаза, лежащее перед стеной ущелье пусто и безжизненно. Случившийся под утро снегопад скрыл все следы, и сейчас не видно ни единого отпечатка. По стене расхаживает четвертка часовых, бдительно следящих как за подступами к стене, так и друг за дружкой. Платформа подъемника закреплена наверху, а лебедка застопорена несколькими клиньями и обмотана канатом – чтобы никому не удалось привести механизм в действие за считанные секунды. Платформа второго подъемника виднеется далеко вверху, на самом гребне Подковы – там еще двойка часовых с высоты следит за ущельем. На том месте, где священник уничтожил подарок шурдов, нет ни единого следа черного праха. Отец Флатис не ошибся – лучи солнца уничтожили всю эту гадость до последней крупицы. Оно и ладно. Я облегченно выдохнул.

Заметив, что часовые бросают на меня вопросительные взгляды, я успокаивающе кивнул и вновь повернулся к лестнице. На верхней ступеньке как раз показался пыхтящий здоровяк и мы едва не столкнулись.

– Тьфу на тебя! – рявкнул я. – Пошли вниз!

– Вниз?! – возопил Рикар и умоляюще протянул ко мне дрожащие руки: – Господин!

– Вниз, вниз. – кивнул я. – Я уже все осмотрел. Пошли во двор.

– Ох… – обессилено выдохнул Рикар. – Господин, может, я часовых пока проверю? А?

– Нет! – мотнул я головой. – Еще не хватало, чтобы они тебя в таком непотребном виде узрели. Иди за мной! А если плохо – вон, снегом харю свою разотри, может, и полегчает.

Еще раз вздохнув, здоровяк кряхтя нагнулся и, зачерпнув в ладони снега, с силой растер лицо. Проморгался и вновь пошагал за мной – уже более уверенно. Даже умудрился поравняться и идти не отставая.

– Собери всех ответственных, – на ходу приказал я, едва мы спустились во двор, – через десять мину сбор здесь, около церкви. Пора нам многое обсудить.

Не забудь позвать Койна – надеюсь, он еще не успел спуститься под Подкову. А я пока церковь осмотрю, да с отцом Флатисом побеседую. Поторопись.

– Слушаюсь, господин. – кивнул здоровяк и направился к пещере.

– Да! – окликнул я Рикара и понизив голос, добавил: – И проверь баронессу – все ли в порядке. А то, глядя на тебя, я даже представить боюсь, что случилось с юной девчонкой после «гномьей» настойкой.

– Да, господин.

– И это… она у меня, – выдавил я, – спит в моей кровати. Там ищи…

– Да, госп… Где-где, баронесса, господин?! – удивленно заорал здоровяк на весь двор. – В вашей пост…

– Тихо! – шепотом рявкнул я. – Чего разорался?! Ничего не было! Она просто там заснула! И никому ни слова! Понял?

– Ясно, господин. – понятливо закивал Рикар и заторопился к пещере. – Чего тут непонятного-то? Уже бегу.

Посмотрев ему вслед, я лишь вздохнул и пошагал к строящейся церкви. Надеюсь, Рикар проявит чуткость, когда будет вышвыривать баронессу из моей постели. Хотя о чем это я… ох… похоже, гномья настойка оказалась гораздо коварней, чем я думал, и исподволь притупила мой разум. Худшего посланца к Аллариссе, чем здоровяк, что вот уже несколько месяцев вынашивает в голове замысел моей женитьбы, и быть не могло. Такой подарок судьбы Рикар не упустит – избранница уже в моей постели, осталось лишь убедить ее, что события минувшей ночи развивались более чем бурно…

Невольно застонав и дернувшись за уковылявшим к пещере Рикаром, я со скорбью убедился, что того уже и след простыл. Так торопился, что даже про мучавшее его похмелье позабыл.

Все… можно считать, что я собственноручно подписал свой собственный смертный приговор с заменой эшафота на принудительную свадьбу.

Я и сам был предельно поражен, когда сегодня утром открыл глаза и услышал чье-то сладкое посапывание рядом с собой. А потом повернул голову и увидел золотоволосую головку Аллариссы на своей подушке…

Коря себя за необдуманное распоряжение, я дошел до церкви, где уже вовсю кипела работа под неусыпным присмотром священника.

Отец Флатис взгромоздился на сваленные около постройки бревна, заложил левую руку за спину, пальцами другой задумчиво постукивал себя по животу и беззвучно шевелил губами, созерцая почти законченную церковь. Остановившись в трех шагах от святого отца, я смерил его взглядом с головы до пят и в некотором замешательстве почесал подбородок – поза старика мне показалась удивительно знакомой. Была бы седая голова священника покрыта шапкой этакой причудливой формы, так и вовсе было бы не отличить от… На этом месте мои мысли вновь зашли за некую запретную черту и в голове тут же зашевелились щупальца боли. Поспешно сменив ход мыслей, я поприветствовал святого отца:

– Доброе утро, отец Флатис.

– Доброе, Корис. – на удивление благодушно улыбнулся священник.

Я было удивился, но затем вспомнил события вчерашней ночи и все понял – Стефий наконец-то очнулся от долгого забытья, и теперь отец Флатис витал в небесах от радости. Похоже, тощий сирота и правда стал священнику почти родным.

– Отец Флатис, через пять минут сюда подойдут остальные – братья-каменщики, Тезка, Литас, да вы сами знаете, о ком я говорю. Пора нам серьезно побеседовать, святой отец.

Посерьезнев, священник вперил в меня пронзительный взгляд и, пожевав сухими губами, произнес:

– За то время, что я тебя знаю, сын мой, я уже научился бояться, когда ты произносишь эти слова: «Пора побеседовать серьезно». Что-то случилось?

– Нет, святой отец. Пока не случилось. – угрюмо усмехнулся я. – Именно это меня и тревожит. Слишком уж тихо вокруг. И у меня донельзя плохое ощущение, что это лишь затишье перед сильной бурей… Или перед бушующим ураганом. Понимаете?

– Понимаю, сын мой. – согласно кивнул старик. – У меня тоже несколько неспокойно на душе. Не радостно…

Вздохнув, святой отец приглашающее кивнул на толстые брёвна, и я уселся рядом с ним лицом к церкви. Ожидая, пока подтянутся остальные, мы молчали, каждый думая о своем и глядя, как на недостроенную крышу церкви падают редкие снежинки, сдутые утренним ветром с вершины скалы. Плотники размеренно взмахивали топорами, вполголоса переговаривались и украдкой поглядывали в нашу сторону – уж больно угрюмыми были наши лица, или, как выразился святой отец – не радостными…

* * *

– Все здесь? – спросил я, внимательно оглядывая лица собравшихся вокруг меня людей.

Дождавшись утвердительного ответа, я кивнул и продолжил:

– Хорошо. Сегодня я собрал вас только по одной причине – со вчерашнего дня меня терзает страх. Настолько сильный страх, что мне хочется забиться в какую-нибудь щель и притвориться мертвым.

Убедившись, что столь необычное вступление не осталось без внимания, я удовлетворенно кивнул – выражение удивления появилось у всех, за исключением святого отца. Что и требовалось получить. Этим неожиданным началом своей речи я хотел заставить людей проникнуться важностью своих слов и мне это удалось.

– Господин, о каком страхе вы говорите? – нерешительно спросил Тезка и, повторяя недавние слова священника, добавил: – Случилось что?

– Нет. Но случится – в этом я уверен полностью. Все наши надежды на выживание в этих землях были основаны только на одном – полной скрытности. Никто не должен был знать, где находится поселение, и до последнего времени нам удавалось сохранить это в тайне. Но теперь к нам зачастили нежданные гости. Сначала заявился отряд ниргалов под командованием ментального мага, некоего Ситаса Ван Мерти, следом за ним пришли и шурды – причем я подозреваю, что без участия Ситаса здесь не обошлось. Уж больно легко они нас обнаружили, да и, по словам разведчиков, гоблины прошли через равнину так ровно, словно к нашему поселению ведет торговый тракт с дорожными указателями!

– Ушел Ситас от нас. – сокрушенно вздохнул Литас, избегая смотреть мне в глаза. – Простите, господин. Моя ошибка – надо было сразу к выходу из ущелья идти и перекрывать его. Тогда эта тварь от нас не ушла бы так просто! Не повезло…

– Ты гордыню-то поумерь, сын мой! Негоже! – неожиданно вспылил священник. Увидев недоуменно вытаращенные глаза Литаса, пояснил: – Ситас не просто вороватый бродяга или лихой разбойник с дороги, которых можно загнать в ловушку. Это ментальный маг! И, судя по тому, что он смог уйти от погони – обучали его очень хорошо. Еще добавь сюда приобретенный с возрастом опыт! Вот теперь и задумайся – кому именно тогда повезло. Хорошо, что живыми вернулись! – спохватившись, отец Флатис повернулся ко мне и милостиво разрешил: – Да ты продолжай, сын мой. Продолжай.

– Так. Хватит перепираться и сбивать меня с мысли! – раздраженно буркнул я. – Повезло, не повезло… Этот Ситас тоже не великий военный стратег – бездарно угробил десяток ниргалов, послав их в лобовую атаку. И вообще – это дело прошлое. Сейчас меня интересует только одно – что случится, когда к нашему поселению подойдут силы шурдов? Боевого опыта у вас гораздо больше чем у меня, вот и рассказывайте. Как хорошо организованы шурды? Каким оружием владеют и смогут ли преодолеть нашу единственную защиту – крепостную стену? Есть ли у них стихийные маги, способные извергнуть на наши головы потоки огня или вызвать землетрясение, чтобы обрушить стену?

– Никто не знает, господин. – за всех ответил Рикар. – Шурды никогда не воевали по-настоящему. Их вылазки к Пограничной Стене не в счет. Да и там нежить в бой идет, а поводыри издали командуют.

– Что, шурды ни разу не нападали на защищенный город? – не поверил я. – На крепость? На пограничный форпост, в конце концов?

– Никогда, господин. – твердо ответил Древин, переглянувшись с братом. – Поселения разоряют – частокол для них не помеха. А чтобы крепость осадить… такого не упомню.

– Даже менестрели такого не расскажут, господин. – поддержал брата Дровин. – Да и нет в Диких Землях городов. А шурды за Стену не выходят никогда. Хотя если форпост…

– Что форпост? – подбодрил я мастера. – Было такое?

– Было, господин – но давненько. Лет полтораста назад. Тогда Стену, можно сказать, только построили, толком никто ничего не знал, а о шурдах лишь краем уха слышали – есть, мол, такие твари в Диких Землях.

– И что?

– Вот тогда они три пограничных форпоста захватили – в один день управились, гоблины проклятые. Слава Создателю, войска неподалеку расквартированы были – успели шурдов обратно в Дикие Земли выбить, пока они дел не натворили. С тех пор количество воинов вдвое увеличили и священников туда поставили. Этих… Воротный орден.

– Орден Привратников, сын мой! – буркнул священник, сердито сверкнув синими льдинками глаз. – Достопочтимый орден Привратников!

– Вот! – обрадовано кивнул я, не обратив внимания на слова отца Флатиса. – Пограничные поселения аккурат за Стеной расположены! Значит, чтобы добраться до людей, шурды должны были забраться на стену, прорвать оборону и открыть ворота. И все это под градом арбалетных болтов и стрел. Это не так просто даже для специально обученных войск. А пещерным гоблинам это удалось сразу с тремя форпостами и всего за один день! Отсюда вопрос – как именно, они это сделали? Магия? Подкоп?

– Это один лишь Создатель ведает, господин. – развел руками Древин. – Из защитников никто не уцелел, стало быть, и рассказывать некому было – вырезали всех подчистую.

– Ясно. – мрачно подытожил я. – Похоже, шурды это одна большая тайна под семью печатями. Мы не знаем о них вообще ничего. И никто не знает.

– Знают, сын мой. – медленно произнес отец Флатис. – Но нам до этих знаний не добраться.

– Кто знает, святой отец? – уцепился я за слова священника.

– Священники из ордена Привратников – ответил святой отец. – Они знают многое. Вот уже полтораста лет они внимательно изучают всю нечисть, что стекается к Пограничной Стене из Диких Земель. Изучают и скрупулезно записывают в толстые фолианты. Все записи хранятся в церковной библиотеке, что расположена в пограничном поселении Стальной Кулак и, значит, они недосягаемы для нас.

– М-да… – промычал я, скривившись словно от зубной боли. – Идти через Дикие Земли лишь для того, чтобы почитать книгу… Безумная затея. А почему именно орден Привратников, святой отец? Вот почему ваш орден ничего не знает? Насколько я знаю, вы имеете дело с нежитью и прочими тварями не меньше чем священники из ордена Привратников. А то и больше!

– Все просто, сын мой. – тонко усмехнулся священник. – Нам это не надо знать. Не зря символом ордена Искореняющих Ересь является красный молот. Мы сокрушаем нечисть в любом ее проявлении, но не изучаем ее и не ведем с богопротивными тварями задушевных бесед.

– Понятно. – кивнул я. – А орден Привратников, значит, не гнушается задушевно побеседовать с шурдами за кубком с вином у горящего камина?

– Допросить, а не побеседовать! Святые отцы умеют убедить открыть душу в очистительной исповеди. И каждый из них носит на поясе длинный стальной ключ, который является символом ордена Привратников, ибо святые отцы подберут ключ к любой душе.

– А я всегда думал, что символ надежно закрытых ворот в Пограничной Стене. – пораженно выдохнул Литас. – Ну… Мол, ворота заперты на ключ…

– И это тоже, сын мой. У ключа несколько значений. Но все это неважно – Пограничная Стена за много лиг отсюда.

– Да. Святой отец прав. – подтверждающее кивнул я. – Для нас это бесполезное знание. Прямо говоря – про шурдов мы не знаем толком ничего. Самое плохое – нам неведома их численность и военная мощь. Несколько раз мы сталкивались с шурдами в бою и, несмотря на свою неискушенность в военном деле, я не считаю гоблинов серьезными воинами. Я прав?

– Да, господин. – произнес здоровяк. – В ближнем бою они не сильны. Но вот костяные пауки и сгархи… Это твари посерьезней. Я как вспомню, как тогда на берегу реки взбесившаяся зверюга выкосила половину шурдского отряда, так оторопь берет.

– Рикар дело говорит. – поддакнул Литас. – Если пара сгархов окажется в поселении – нам всем конец. Если только в пещере укроемся.

– Не окажется! – отрубил Древин. – Про нашу стену позабыл?

– Да, сгархи летать не умеют. – хмыкнул я. – По сути, это обычные звери. Свирепые и могучие – да, но все-таки неразумные животные. А про пещеру, Литас, лучше и не вспоминать – я не собираюсь пускать ни одну тварь внутрь поселения. Нет уж. Я готов к продолжительной осаде, но не к боям внутри поселения – нас слишком мало.

– Господин дело говорит. – поддержал меня здоровяк.

– На осаду припасов не хватит, господин Корис. – озабочено сказал Тезка. – Не хватит! Запасы и раньше не слишком большими были, а теперь и вовсе на глазах тают! Нас же теперь, почитай, вдвое больше стало!

– Знаю. – вздохнул я. – Но делать нечего, после случившегося с рыжим Лени я за стену охотников не выпущу. И не уговаривайте!

– Уже сегодня мы поднимем наверх первый десяток корзин со свежей речной рыбой. – прогудел молчавший до этого Койн. – А через недельку и первый урожай грибов появится. Все лучше, чем ничего.

– А вот это поистине радостная весть, друг Койн. – обрадовался я. – Наладили отлов рыбы?

– Мы без дела сидеть не любим. – степенно ответил гном, поглаживая бороду. – Равно, как и сидеть на чужой шее. И рыбу уже ловим, и грибницы давно посажены и потихоньку растут. За прошедшие дни мы многое успели сделать.

– Хм… хотелось бы это увидеть. – заинтересовано сказал я. – Посмотреть, как изменилась пещера с подземным озером.

– Так за чем дело стало? – удивился гном. – Всего-то спуститься вниз, пройти по широкому коридору, и вот ты уже там! Ты всегда желанный гость в нашей замечательной пещере!

– Хе! – рассмеялся я. – Этот путь прост только для Подгорного Народа, друг Койн. Но я принимаю твое предложение! Как только закончим разговор – сразу отправимся в путь.

Услышав мои слова, Рикар охнул и вклинился в беседу:

– Да чего там смотреть-то, господин? Пещера как пещера – сырость, грязь и темнота! И нечистоты рекой по разлому текут!

– Что? – не на шутку возмутился Койн, привставая с бревна. – У нас грязь?! Это здесь, холод и мерзкий снег! А нечистоты мы давно уже в сторону отвели!

– Хватит! Честное слово – как малые дети! Я сказал – сегодня я спускаюсь в пещеры к нашим братьям-гномам, а ты Рикар, можешь остаться здесь – дело я тебе найду.

– Нет уж, господин, – не согласился здоровяк, – я с вами! Только сапоги поплоше надену, да штаны сменю.

– Дело твое. – кивнул я, чтобы прекратить споры. – Что ты сказал про нечистоты, Койн? Вы отвели их в сторону? Как?

– Поговорили с камнем, друг Корис. – с достоинством ответил гном. – Попросили указать, есть ли рядом с отвесным колодцем другие разломы или пещеры. Оказалось, Подкова изрыта проходами, почище чем муравейник! Дальше просто – хватило усилий двух гномов-камнетесов, что прорубить в стенке двухшаговый проход до соседнего разлома – туда мы и пустили воду из ручья. Так-то вот! И нет у нас в пещере никаких нечистот!

– Понятно. – несколько удивленно сказал я. Вот уже второй раз, Койн сообщает, что они «поговорили» с камнем. Если сначала я пропустил это мимо ушей – у людей крестьянин тоже зачастую разговаривает со своим плугом, прося его не ломаться – то теперь невольно задумался. Как можно разговаривать с изначально мертвым гранитом, я представить себе не мог. Равно как и то, что камень еще и отвечает. Но лидер гномов несомненно был в здравом уме, а значит, что-то в этом есть.

– Поговорили с камнем?! – скривился Рикар. – И что вам рассказал булыжник? Что с камнями разговаривают только полоумные? Брат Койн, да ты никак после вчерашней настойки еще не оправился?

– Рикар! Помолчи! – не выдержал я. – Думаю, Койн знает, что говорит. Койн, ты сказал, что Подкова вся изрыта подземными разломами – их настолько много?

– О да, друг Корис! Очень много – некоторые из них совсем узкие, в других можно пройти в полный рост и еще место останется. Часто подземные коридоры пересекаются, затем вновь разбегаются в стороны.

– И где заканчиваются эти проходы?

– Вот этого я не знаю, Корис. – развел руками гном. – Не было времени все тщательно изучить. Сейчас есть дела гораздо важнее. Могу сказать только одно – разломы уходят глубоко вниз, под основание скалы.

– Интересно… – качнул я головой. – Если узнаете что-то новое об этих коридорах под нашим домом – дай мне знать.

– Конечно, Корис.

– Вот и хорошо. – сказал я, поднимаясь на ноги. – Думаю, на этом наш разговор можно заканчивать. О шурдах вы знаете ровно столько же, сколько и я. Все остальное остается по-прежнему – братья-мастера заканчивают работу над церковью и думают над тем, как в самые краткие сроки усилить нашу обороноспособность. Литас – чтобы не сидеть без дела, возьми своих охотников, и поднимитесь на вершину скалы – нам нужен хоть какой-то корм для лошадей. Трава, ветви кустарника, мох – тащите все, что есть. Только смотрите, не свалитесь оттуда.

– Не свалимся, господин. – заверил меня Литас и, развернувшись, пошагал собирать людей.

– Луки с собой захватите! – крикнул ему вдогонку Тезка. – Может, подстрелите чего-нибудь на ужин!

Литас не сбавляя шага, покачал головой и покрутил пальцем у виска.

– Тезка! – укоризненно сказал я, силясь не рассмеяться. – Ну зачем луки, на вершине скалы? Откуда там дичь? Голый камень кругом!

– Не знаю. – не сдавался мой хозяйственник. – Может, куропатка какая бешеная залетела! Да нам и ворона сгодится – для навара в бульоне!

– Что, все настолько плохо?

– Да, господин. – вздохнул Тезка. – Очень плохо. Не хватит нам провизии до весны. Никак не хватит. И раньше в обрез было, а как гномы появились, так и вовсе дело плохо стало.

Кивнув на стоящего рядом гнома, я напомнил:

– Койн говорит, что уже сегодня мы поужинаем наваристой ухой. А потом и грибы появятся.

– Господин, я знаю, что говорю. – помрачнел Тезка. – Одними грибами сыт не будешь. Опасно, аль нет, а на охоту идти надо. Иначе с голоду помрем.

– Нет. И речи быть не может.

– Господин, вы туда вон взгляните. – не отставал хозяйственник, тыкая рукой в угол двора, что примыкал к тыльной скале Подковы. – Вы взгляните!

– И что там?

– То-то и оно, что ничего там почти и нету! Еще пару недель назад под снегом, почитай, два десятка жирных туш хранилось – то, что Литас с охотниками притащили. А сейчас, дай Создатель, если с пяток осталось – и это при том, что кухарки в похлебку мясо уже только для запаха добавляют! Скоро и добавлять нечего будет…

– Да знаю я! – зло буркнул я и покрепче сжал зубы, чтобы не выругаться от безысходности. – Знаю! А что делать прикажешь? На верную смерть охотников отправлять? Или как?

– Решать вам, господин. – ответил Тезка и отвел взгляд в сторону.

– Вот тут ты прав – решать мне. Равно как и вина целиком моя будет, когда они не вернутся. Терять людей ради призрачной добычи – это не по мне!

– Истинно так, друг Корис. – поддержал меня Койн. – Ежели шурды проклятые вокруг скалы нашей бродят – как пить дать, заметят охотников. Да еще и твари эти зубастые – что шурдам вместо лошадей – им человека пополам перекусить труда не составит.

Вздохнув, я поднял лицо вверх и с минуту, не отрываясь, смотрел на мрачное серое небо. Гном с Тезкой терпеливо ожидали, пока я приду в себя.

– Сделаем так. – сказал я, по-прежнему смотря вверх. – Тезка, ты собирайся давай – с нами под скалу полезешь. На озеро глянем – что там за рыба такая, да и про грибы, что Койн нам расхваливал, не забудем. А там, глядишь, я и соображу, как нам дальше жить.

– Слушаюсь, господин. – повеселевшим голосом ответил Тезка и заторопился к пещере – тоже видать, решил переодеться.

* * *

Вот уже второй раз за день я умиротворенно покачивался в воздухе в толстой веревочной петле и неспешно спускался на дно разлома. И, надо заметить, что этот способ попадания в пещеру с каменными сосульками мне нравился гораздо больше, чем тот, когда приходится с риском для жизни спускаться по отвесной скале, цепляясь за малейшие выступы и трещины. Более того – о царившей здесь долгие века темноте можно было смело забыть, причем навсегда. Теперь-то я понял, что имели в виду гномы, когда утверждали, что пещера с геристами просто великолепна и очень красива. Тогда я лишь посмеялся про себя и подивился, что коротышки могут считать мрачную и сырую пещеру красивой. Оказалось, что я очень сильно ошибался. Сюрпризы начались с того мига, как мы начали наш спуск в недра Подковы…

Признаки изменения в окружающей обстановке я начал замечать еще тогда, когда мы только спустились на дно каменного колодца. Падающая вниз вода больше не растекалась по разлому – в одной из стен было пробито правильной формы отверстие, и клокочущий ручей устремлялся туда. Поперек начинающегося отсюда коридора появилась аккуратная каменная перегородка, высотой доходящая мне до пояса – вода бессильно ударялась об нее и покорно поворачивала в новое русло. Бедный ручей – за последний год его течение меняют уже второй раз.

Таким образом мы опустились на дно водоема и, пройдя всего несколько шагов в холодной воде, поднялись по специально выложенным ступенькам. За перегородкой было уже абсолютно сухо и пройти по длинному коридору не составило ни малейшего труда. Нет, здесь все еще были сложные места: иногда каменный свод опускался слишком низко, и приходилось сгибаться в три погибели, чтобы преодолеть этот участок; в полу еще зияли трещины и ямы; из стены торчали выпирающие камни, о которые невнимательный человек мог с легкостью рассадить лоб. Но все же изменения появились и здесь – самые большие разломы были заботливо засыпаны мелким щебнем, на стенах виднелись свежие отметины срубленных под корень выступов.

И самое главное – коридор превратился в весьма оживленное место – пока мы шли к новому дому рода Чернобородых, по пути то и дело появлялись деловитые гномы, снующие в разные стороны. Причем даже здесь они по дороге умудрялись сделать что-либо полезное для благоустройства разлома – один гном на ходу выверенным ударом молотка сносил со стены длинный каменный шип и, не останавливаясь, бежал дальше, другой не ленился нагнуться и, подобрав каменные обломки с пола, тут же бросал их в одну из еще не засыпанных ям в полу. И все это делалось на ходу, между делом. Если так пойдет и дальше, то вскоре связывающий наши поселения разлом превратится в благоустроенный комфортный коридор.

Койн старательно выполнял роль радушного хозяина и не замолкал ни на минуту, таща нас за собой все дальше и дальше в недра скалы. А когда мы вышли на обрыв, за которым лежала огромная пещера с многочисленными сталагмитами, я остановился как вкопанный и надолго потерял дар речи. Открывшееся мне зрелище потрясло меня до глубины души. И не только меня – даже вечно ворчащий Рикар внезапно замолчал и с отвисшей челюстью уставился вниз. Да… Тут было, на что посмотреть.

Пока меня старательно обвязывали веревкой, я успел насмотреться вдоволь. Да и во время всего спуска не отрывал взгляда от удивительного зрелища – десятки каменных сосулек светились мягким желтым сиянием. Некоторые источали зеленый или нежно-синий свет. Издалека казалось, что под темными сводами пещеры сияют огромные драгоценные камни. Теперь мне стало понятно, почему Койн так обрадовался этим каменным остриям, которые он ласково называл «геристы».

Хоть мне и не терпелось обрушить на гнома целую кучу вопросов, я решил подождать до тех пор, как мои ноги прочно встанут на дно пещеры. Поэтому я несказанно обрадовался, когда медленный спуск наконец завершился, и я выпутался из веревочных колец.

Следующими по скале спустились Рикар с Тезкой, обвязанные одной крепкой веревкой. Здоровяк первым делом подошел ко мне, и ошеломленно почесав затылок, выдавил:

– Да…

– Н-да… – ответил я в тон здоровяку, продолжая любоваться переливающимися огнями.

Тут подоспел Тезка и тоже, внес свою лепту в разговор:

– Где рыба?

– Тезка! – укоризненно произнес я. – Ты взгляни, какая красота вокруг!

– Красота, это когда на столе полные тарелки стоят, а в кладовой все полки едой забиты! Вот это красота, господин. – буркнул хозяйственник, пытливо оглядываясь по сторонам. – А это… Так, баловство одно…

– Ясно. – вздохнул я, поняв, что Тезке сейчас не до разглядывания светящихся сталагмитов. Это еще раз доказало, что я сделал верный выбор, когда назначил его главным хозяйственником. – Рыба в озере плавает. Сейчас спустится Койн и все покажет.

Гнома мы дожидались совсем недолго – он спустился по отвесной стене с неимоверной легкостью вдвое быстрее, чем это сделали мы. Сняв небрежно перекинутую через плечо веревку, он подошел к нам и с нотками гордости в голосе, произнес:

– Ну, вот мы и добрались, друзья. Как вам новый дом рода Чернобородых?

– Великолепно. – искренне ответил я за всех, ткнув локтем уже открывшего было рот Тезку. – Очень красиво.

– А ведь это лишь начало! Через пару недель, когда нити мейстреллы окончательно приживутся, они дадут света в два раза больше! – похвастался Койн. – Но зачем рассказывать, когда вы можете все увидеть собственными глазами. Следуйте за мной, друзья! Следуйте за мной!

И мы последовали. Впереди шел гном, указывая нам путь и, чем ближе мы подходили к центру пещеры, тем светлее становилось вокруг. Вскоре факелы стали без надобности и Койн попросил затушить их, сказав, что нити загадочной мейстреллы не любят чужого света. Воспользовавшись тем, что Рикар с

ворчанием пытался утопить чадящий факел в ближайшей луже, я решил расспросить гнома о мейстрелле – меня терзало любопытство. Пока мы шли, я уже успел сделать несколько догадок и теперь собирался узнать, насколько близко я подобрался к истине.

– Нити мейстреллы? – переспросил Койн. – О! Это настоящее чудо, которое подарил нам Великий Отец несколько тысячелетий назад, чтобы его чада не томились в непроглядной темноте.

– Понятно, что ничего не понятно. – рассмеялся я. – Так что же это такое? Ведь это растение? Возможно, мох или лишайник. Хотя нет… Мох растет слишком медленно… Понял! Скорее всего, это светящиеся водоросли. Любят воду, предпочитают расти на постоянно сырых местах, поэтому геристы с вечно капающей водой подходят лучше всего. Не переносят солнечного света. И я почти уверен, что семена или нити мейстреллы вы принесли сюда во флягах, наполненных водой. Ах да! Забыл добавить, что многие тысячелетия назад мейстрелла росла лишь глубоко под водой, на дне подземных озер. И то, что сейчас эта водоросль может расти на открытом воздухе, является заслугой Подгорного Народа. На это ушли столетия культивации мейстреллы. Почти уверен, что помимо света, мейстрелла еще и очищает воздух в ваших подземельях. Вот… Как-то так… А что вы замолкли, друзья мои?

Ответом мне была гробовая тишина. Рикар так и остался стоять враскорячку над лужей с водой, держа в руках давно потухший факел, Тезка забыл о своих заботах и с отвисшей челюстью пялился на меня, а Койн обессилено опустился на мокрый камень и лишь безмолвно открывал рот, словно выброшенная на берег рыбина.

– Что? – спросил я, отчетливо понимая, что в очередной раз выбился за рамки «обыкновенного» барона из рода Ван Исер.

– Откуда ты это знаешь, друг Корис? – просипел гном, изо всех сил стараясь выглядеть спокойным.

– Что знаю? – уже раздраженно буркнул я.

– Что во времена моих далеких предков мейстрелла росла только в водной толще подземных озер. Что она освежает воздух в наших подземных жилищах. –

перечислил гном. – Откуда? Это одна из тайн нашего народа, в которую никогда не посвящали людей… Откуда?!

– Да. – поддакнул пришедший в себя Рикар. – Откуда?

– Догадался. – развел я руками. – Поверь, Койн – до нашей с тобой встречи в том разграбленном поселении я никогда не общался с Подгорным Народом. И никогда не знал никаких тайн.

– Я верю тебе, Корис. – медленно кивнул Койн и чуть помолчав, добавил: – Должен сказать, что ты очень необычный человек.

– Мне это часто говорят. – махнул я рукой и предложил: – Продолжим наш путь? Иначе мы так и не доберемся до подземного озера.

– Пойдемте. – согласился уже пришедший в себя гном. – Идти осталось совсем недолго.

И вновь мы потянулись гуськом вдоль бывшего русла ручья, направляясь к берегу подземного озера, откуда доносился шум водопада. Именно там, чуть поодаль от кромки воды, гномы решили основать свое поселение.

С каждым пройденным шагом исходящий от каменных герист свет становился все ярче. Когда мы приблизились к озеру, я окончательно уверился, что отныне здесь никогда не понадобятся факелы для освещения. Света и так было более чем достаточно. Больше всего меня поразило то, что гномы не ограничились посадкой нитей мейстреллы на геристы, выступавшие из дна пещеры. Нет. Они каким-то способом умудрились проделать это и с теми каменными сосульками, что торчали из свода высоко над нашими головами. И это притом, что гномы были вдвое меньше нас ростом.

Помимо светящихся водорослей, в пещеры были и другие изменения. Руководствуясь понятными лишь им соображениями, гномы выбрали для поселения ровный каменный участок всего в двадцати шагах от озера. Надеюсь, что вода нем всегда остается на одном и том же уровне, хотя весенние паводки еще никто не отменял. Если гномы ошибаются, то ранней весной, когда начнет таять снег, коротышек ждут незабываемые ощущения.

Сделав еще с полсотни шагов, мы остановились. Наконец-то добрались. Мы стояли на краю огромной строительной площадки – другого слова и не подобрать.

Бодрый перестук инструментов был настолько силен, что отчасти даже заглушал гул водопада. Гномы строили себе новый дом и к этому делу они подошли со всей серьезностью. Обширная площадка была тщательно выровнена, узкие щели аккуратно засыпаны мелкими камнями и песком, и уже были отчетливо видны очертания будущих домов и проходов между ними, обозначенные цепочками камней. Все предельно симметрично и аккуратно. В центре будущего поселения видны контуры самой настоящей улицы в десяток шагов шириной. Что интересно, похоже, гномы постарались сделать планировку домов и улиц так, чтобы не пришлось срубать ни одну из имеющихся там герист.

На дальнем от нас краю уже началось возведение первого дома – стены возвышались на высоту человеческого роста, виднелись окна и пустой дверной проем. Но не это удивило меня. Когда я присмотрелся, то с изумлением убедился, что в роли строителей выступают не суровые гномы-мужчины, а не менее суровые гномихи, подоткнувшие края юбок повыше и сноровисто укладывающие камень за камнем в стены постройки.

– Койн, меня обманывает зрение? – изумленно пробормотал я. – Ваши дома строят женщины?

– Конечно, женщины! – воскликнул гном. – Разве может быть иначе?

– Бывает и иначе. – кашлянул я. – Ну… у нас, например, дома возводят мужчины.

Гном сморщился, и на его перекосившемся лице ясно читалось «какая гадость», но вслух он произнес совсем другое:

– Да, друг Корис. У людей дома возводят мужчины, но у вас вообще все перевернуто с ног на голову. Вот скажи, может ли мужчина построить дом, обладающий настоящим уютом? Да ни за что! Этот дар Великий Отец дал лишь женщинам, и негоже нам вмешиваться в его решение.

– Ну… – замешкался я с ответом. – А им не тяжело? Ну, таскать камни и все прочее?

– Не знаю. – пожал плечами Койн. – Но спрашивать не рискну. И тебе не советую – враз молотком приголубят. Когда женщины возводят семейное жилище, то мужчинам лучше не вмешиваться. Всю бороду по волоску повыдергивают и ославят на весь род…. Пойдемте, пойдемте отсюда. – заторопился гном, подцепив меня за локоть. – Посмотрели и ладно будет…

Похоже, гном и правда подумал, что я начну расспрашивать гномих о тяготах строительства. Но тут он глубоко заблуждался – влезать в сложившиеся за века устои я не собирался – огребешь по полной и еще виноват останешься.

– А мужики у вас чем занимаются? – прогудел здоровяк из-за моей спины. – Пиво лакают, небось?

– Мужским делом! – охотно ответил гном, пропустив мимо ушей выпад здоровяка. – Рубят камень, ищут руду, куют металл, охотятся, ловят рыбу. И сражаются!

– Да! Где рыба?! – воспрял духом Тезка. – Много наловили?

– Вот сейчас и посмотрим. – заулыбался гном, видя, с каким нетерпением смотрит на него хозяйственник.

Пройдя от края строительной площадки к озеру, мы остановились у самой его кромки. Вспомнив наше невольное купание в ледяной воде, я зябко передернул плечами. Койн гордо указал на темные воды и произнес:

– Вот рыба!

– Так вы ее еще даже не поймали?! – взвыл Тезка.

– Поймали! – не согласился с таким обвинением гном. – Осталось только вычерпать и на стол подать.

– Что-то я тоже ничего не понял. – со стыдом признался я. – Рыба еще в озере, но ты говоришь, что она уже поймана.

– Может, рыба уже в садке? – предположил здоровяк. – Мы в деревне тоже так поступали: наловишь – и вместе с корзиной в воду ее, чтоб, значится, не заснула и не испортилась.

– Лучше, друг Рикар! – довольно ухмыльнулся гном, видя наше замешательство. – Гораздо лучше! Со вчерашнего дня все озеро – это один большой садок для рыбы!

– Вы перегородили сток? – озарило меня.

– Именно! Добрый камень указал нам место, где озерная вода уходит в недра скалы, и мы поставили там надежную каменную решетку!

– Каменную?! – хором произнесли мы с Рикаром. – Как каменную?

– А из чего? – развел руками гном. – Железа у нас нет, дерева даже на приготовление пищи едва хватает – без дров костра не разведешь. Пришлось исхитриться и сделать решетку из доброго камня.

– Понятно. – хмыкнул я. – Похоже, из камня вы можете сделать все что угодно. И как улов?

– Рыбы в озере прибавилось, друг Корис – теперь, ей отсюда никуда не деться. Сеть мы выпросили у вашего жадного человека. Едва не удавился, но все же отдал.

– Жадного человека? – недоуменно спросил я, но тут же понял, кого именно гном имел ввиду. – Тезка!

– А что Тезка?! – возмутился хозяйственник. – Им все дай, да дай – а сетка у меня всего одна! Сам лично плел из обрывков веревки!

– Ох, Тезка. – покачал я головой. – Ладно, главное, что теперь у вас есть все необходимое для рыбной ловли. Нам не помешает свежая рыба.

– Согласен, Корис. – сказал гном и кивнул в сторону озера. – Корзины уже готовы, сейчас же и начнем. Водопад обеспечит нас притоком свежей рыбы… И

не только рыбы, к сожалению.

– В смысле?

– Река приносит сюда все, что попало в ее воды. – досадливо поморщился Койн. – Некоторые подарки более чем полезны – поваленные деревья, например. Но вот от остального приходится поскорее избавляться. Вчера под вечер водопад выбросил в озеро труп шурда. Тот еще подарочек.

– Интересно. – протянул я. – И где тело? Сожгли?

– Еще не успели. Оттащили подальше от воды и присыпали песком – чтобы воздух не портил. Хочешь взглянуть?

– Не особо. От чего он умер? Утонул? Или замерз?

– Лучше. – дал гном неожиданный ответ. – Его убили. Стрела пробила шею насквозь, и гоблин захлебнулся собственной кровью.

– Значит, это мы его и приголубили, – хищно оскалился Рикар, – когда с плотов по берегу стреляли. Видать, в воду свалился и вслед за нами отправился.

– И приплыл, спустя два дня? – усомнился я. – Он должен был свалиться сюда одновременно с нами.

– В камышах застрял. – безразлично пожал плечами здоровяк. – Или к льдине примерз. Плюньте вы на этого шурда дохлого, господин. Сдох и сдох – одной тварью меньше.

– Рикар дело говорит, господин. – встрял Тезка, который уже изнывал от нетерпения. – Давайте лучше рыбой займемся – если сейчас наловим, да немедля к кухаркам отправим, то уже сегодня ухой поужинаем. Чем не радость?

– Так-то оно так. – медленно произнес я. – Койн… а как ты понял, что шурда убила стрела? По ране?

– Так стрела-то никуда не делась. – рассмеялся гном. – Так в шее и торчит.

– Сделаем так. – начал я со своего любимого присловья. – Койн, ты бери с собой моего хозяйственника и займитесь наконец рыбой. А мы с Рикаром взглянем, пожалуй, на этого шурда. Далеко вы его прикопали?

Погибший гоблин оказался от нас в десятке шагов. Как и сказал Койн, гномы просто оттащили заледеневший труп подальше от воды и, бросив на землю, присыпали сверху песком – чтобы мертвое тело не смущало взгляд. По иронии судьбы, мертвый шурд лежал почти на том же месте, где в прошлом году мы наткнулись на обнявшиеся скелеты бывшей фаворитки короля и некоего солдата по имени Арсель. Вот уж и правда, совпадение.

Здоровяк носком сапога поддел тело и мощным пинком перевернул на спину, заодно стряхнув с него слой песка. Голова мотнулась на тонкой шее и слепо уставилась вверх остекленевшими глазами. И правда – шурд. Единственной деталью, отличавшей его от своих собратьев, было торчащее из шеи оперение стрелы.

– Хороший выстрел. – буркнул здоровяк. – И сильный – шею насквозь пропороло.

– Угу. – согласился я и перевел взгляд ниже, на одежду гоблина. Если, конечно, эти небрежно сшитые вместе обрывки шкур вообще можно было назвать одеждой. Что-то вроде кожаной куртки мехом внутрь, ноги просто обмотаны шкурами. На поясе столь знакомый толстый кожаный ремень со множеством кармашков и петель.

– С него ничего не снято. – заметил я. – Одежда, оружие – все на месте.

– Да и само тело не тронуто. – отозвался Рикар, присев около трупа и внимательно осматривая его. – Ни единого укуса. Не в привычках шурдов отказываться от дармового угощенья.

– Вот и ладно. – кивнул я. – Значит, ты был прав – один из наших лучников прострелил этому шурду шею, умирая, тот упал в реку и, скорей всего, запутался в зарослях камыша или зацепился за корягу. А через день или два течение сорвало тело с места. Пройдя тем же путем, что и мы, он оказался здесь. Правильно я говорю?

– Нет, господин. Не правильно. – помрачневшим голосом ответил здоровяк. – Это не наша стрела.

– Что? Уверен?

– Уверен, господин. У нас таких стрел нет. Оперение, древко – все другое. А наконечник так и вовсе из кости выточен, а наши, все до единого, из железа вылиты. Но сделано мастерски – стрела ровнехонькая, наконечник хоть и из кости, а все ж неплох. – повертев стрелу в руках, здоровяк приложил ее к руке, чтобы измерить длину, и добавил: – Под человека сделана. Для шурдов длинновата будет – у них ручонки короткие больно.

Внимательно выслушав монолог здоровяка, я пятерней взъерошил волосы и призадумался. Это что же получается?

Шурда убила стрела, выпущенная человеком, что уже является весьма удивительным, если вспомнить, что мы находимся в Диких Землях. А если учесть, что она с костяным наконечником…

– Другое поселение, господин. – опередил меня Рикар. – Видать, не все поселенцы сгинули по дороге. Кто-то да выжил.

– Точно. – кивнул я. – Я думал о том же.

– И что теперь, господин? – спросил Рикар, задумчиво вертя стрелу в пальцах.

– Ничего. – пожал я плечами. – Кто знает, где именно шурд упал в воду – судя по карте, река тянется через все Дикие Земли. Труп могло волочь течением десятки лиг. Хотя отрадно, что, помимо нас, есть и другие люди в этих проклятых Создателем землях. Пошли, посмотрим, как там с рыбалкой дело обстоит.

– Пойдемте, господин. – согласился здоровяк, вытирая испачканную кровью стрелу о мокрую куртку шурда. – А стрелу я с собой прихвачу – деду Анкису покажу. Он лучше нас всех в стрелах да луках разбирается.

– Покажи. – хмыкнул я. – Стрела как стрела. Такие у каждого нашего охотника есть.

– Не скажите, господин. Перво-наперво, это вообще не охотничья стрела – наконечник узкий, граненый. С такими стрелами на оленей не больно и поохотишься. Да и оперение больно куцее – для стрельбы в упор по противнику самое оно, а вот к животным так близко не подберешься – зараз учуют. Пусть дед Анкис глянет – может, и разберет, кто такие стрелы мастерить горазд.

– Тоже верно. Послушай, что он скажет, а потом мне перескажешь.

– Да, господин. И ему развлечение будет – старый он уже, с постели, почитай, и не встает.

– О! Хорошо, что напомнил. Ты баронессу разбудил? – спохватился я. – Надеюсь, все тихо сделал?

– Ну… – замешкался с ответом Рикар и старательно заскреб куском шкуры о наконечник стрелы, стирая крохотное пятнышко крови.

– Рикар! Ты разбудил баронессу? – заподозрил я неладное.

– Не успел я! – неохотно буркнул здоровяк. – Вы же велели людей собрать у церкви – чтобы про шурдов расспросить. Помните?

– Помню. – несколько успокоившись, ответил я. – Значит, она еще спит. Ну да ладно – как наверх поднимемся, так и разбудим. А, может, и сама уже к тому времени встанет. Главное, чтобы никто не заметил, как она из моего угла выходит – сплетен не оберешься. Пошли к озеру.

Здоровяк кивнул и начал медленно подниматься. Когда я отошел от трупа на десяток шагов, за моей спиной послышался необычно тихий голос здоровяка:

– А она, может, уже и не спит, господин.

Обернувшись, я с удивлением обнаружил, что Рикар все еще стоит около тела шурда и даже отошел еще на несколько шагов вглубь пещеры.

– В смысле? Ты же сказал, что не успел разбудить Аллариссу. – спросил я, делая несколько шагов по направлению к Рикару.

– Не успел. – согласился здоровяк, делая столько же шагов в противоположную от меня сторону.

– Ну?

– Дык… Я перед тем как сюда спуститься, это…

– Что это, Рикар?! Мне что, каждое слово из тебя клещами тащить?

– Попросил Нилиену разбудить госпожу Аллариссу! – выпалил здоровяк и резво отбежал еще на пару шагов.

– Что?! Нилиену?! Главную кухарку? – завопил я так громко, что эхо от моего крика гулко заметалось по пещере. – Рикар! Это же наша главная сплетница! Уже к обеду все будут знать, что Аллариса провела ночь в моей постели!

– Да неужто, господин? – донельзя фальшивым голосом, пробасил здоровяк. – А я и не знал… от, я дурак старый…

– Все… – мотнул я головой, шаря глазами по дну пещеры, ища что-нибудь длинное и увесистое. – Рикар, ну-ка подойди поближе.

– Да, господин. – закивал здоровяк, не двигаясь, впрочем, с места. – А зачем?

– Рикар, иди сюда! Я тебе сейчас объясню, зачем!

К озеру мы вернулись лишь через полчаса. Впереди шагал я – взъерошенный и клокочущий гневом, а позади плелся здоровяк с сокрушенным видом. В искреннее раскаяние Рикара я не верил, но и орать уже просто не мог – сорвал горло, пока обрушивал на голову горестно переминающегося здоровяка все известные мне ругательства.

Проблема была в том, что умом я понимал стремление Рикара женить меня на Аллариссе. В Диких Землях особенного выбора у меня нет, а тут вдруг подвернулась настоящая баронесса, да еще и далеко не дурнушка. Вот и пытается верный здоровяк устроить счастье господина и при этом искренне

недоумевает, почему я так упорно сопротивляюсь, упираюсь руками-ногами и едва ли не рогами за землю цепляюсь.

Не дойдя до копошащихся у озера гномов, среди которых, словно башня, возвышалась крупная фигура Тезки-Кориса, я остановился, секунду подумал и резко развернулся к Рикару.

– Рикар, иди сюда. – заметив недоверчивое выражение на физиономии здоровяка, я добавил: – Иди, иди, я уже остыл.

Дождавшись, пока Рикар опасливо приблизится вплотную, я выдохнул и глядя ему в глаза, произнес:

– Рикар, как ты думаешь, почему я не хочу сближаться с Аллариссой?

– Э-э-э, может с орелик… – начал было здоровяк, но я досадливо его перебил:

– Все у меня там в порядке. Дело в Аллариссе.

– А! Она вам не нравится, господин? – предположил Рикар. – Так у нас есть и другие славные женщины!

– Да нет же! – буркнул я, и наконец решившись, признался: – Алларисса мне нравится… очень нравится.

– Так зачем же дело стало, господин?! – искренне обрадовался здоровяк. – Ежели ей в этом признаться боитесь, так я подсоблю – ту же Нилиену в свахи отрядим. Она баба боевая – враз все устроит. А там и свадебку сыграем!

– Угу… пусть так. Скажем, Алларисса ответила согласием, сыграли свадьбу… – согласился я. – А потом?

– А что потом? Каморку вашу расширим, кровать хорошую сделаем – чтобы не скрипела, значит, – заговорщицки подмигнул здоровяк, потирая ладони. – Все сделаем, господин!

– Я не про это. Помнишь про зашитую мне в бедро магическую сферу? Помнишь, что я вообще не барон Ван Исер? Рикар, тот я, с кем ты сейчас разговариваешь, существует лишь до тех пор, пока держится наложенное на меня заклинание! Вот и представь себе, что будет, когда Аллариса проснется однажды утром, а рядом с ней в постели уже не я, а настоящий барон Корис Ван Исер собственной персоной. Ублюдок, гуляка и пьяница! Тот, кто хладнокровно ударил человека ножом в спину и спокойно вернулся к недопитому кубку с вином. Ты этого желаешь несчастной девчонке?!

– Н-нет, господин. – опустил голову Рикар. – Об этом, я не думал…

– А я думал! Если сфера, что сидит у меня в ноге, связана с заклинанием – а она связана! – то, как только в ней кончится запас энергии, магия рассеется, и к жизни вернется настоящий Корис! Или еще что похуже!

– Нет, господин! Не случится этого! – вскинулся здоровяк. – Может, и грешно так говорить… Но я не хочу, чтобы прежний Корис воскрес. Да простит меня Создатель, за такие слова!

Мы замолчали, каждый погруженный в свои мрачные мысли.

– Господин… а вам правда нравится баронесса? – задал Рикар неожиданный вопрос.

– Правда. – машинально ответил я и тут же спохватился: – Только смотри – никому ни словечка! Если проговоришься – самолично пришибу!

– Понял, господин. – ответил здоровяк, расплываясь в широкой улыбке. – Молчу как рыба! А там кто знает, как судьба повернется. Может, и свадьба будет.

– Свадьбы не будет, Рикар, – хмуро улыбнулся я. – Я в этом уверен.

– Как не будет?!

– Не сейчас. Вечером поговорим. – отмахнулся я, не желая продолжать неприятный разговор. – Пошли посмотрим, что там наши рыбаки наловили.

Улов радовал глаз. Четыре корзины были наполнены бьющейся и сверкающей чешуей рыбой, а гномы уже тащили из воды сеть с новой добычей. Тезка, забравшись по пояс в ледяную воду, подбадривал коротышек криками:

– Вот! Вот! Тяни сильней, навались! Да куда ж ты тащишь-то?! Ко дну, ко дну прижимай!

Стоящий у корзин с рыбой Койн, видя бьющую через край энергию хозяйственника, лишь крутил бородой в неподдельном изумлении.

Завидев меня, Тезка заорал во все горло:

– Господин! Есть рыба! Есть, родимая!

– Вот и хорошо! – крикнул я в ответ. – Ты из воды выбирайся давай – не ровен час, заболеешь. Водичка-то ледяная!

– Ничего со мной не станется. – фыркнул хозяйственник. – Койн мне пообещал настойки своей волшебной плеснуть – для сугрева.

– А мне? – оживился здоровяк, подмигивая Койну.

– Так! Какая настойка? – возмутился я для порядка. – Сейчас едва полдень наступил, а вы уже настойку хлещете.

– Пара капель не повредит, друг Корис. – заулыбался Койн, подходя ко мне. – Посмотрели на шурда?

– Посмотрели. – кивнул я. – Койн, вы бы поторопились со сжиганием тела – не дай Создатель, поднимется. Нам здесь только настоящего зомби не хватало.

– Не поднимется. – твердо ответил гном и, повернув голову, отдал несколько отрывистых приказов.

Двое коротышек-рыболов тут же бросили наполовину вытащенную на берег сеть и заторопились к поселению – не иначе, за дровами побежали. Тезка тут же возмущенно заорал, расстроенный уменьшившимся количеством рук. Пришлось

его успокаивать, что оказалось непростой задачей. Дело решил присоединившийся к рыболовам Рикар, и хозяйственник удовлетворенно затих.

Когда рыболовную сеть окончательно вытащили на берег и раскрыли, нашим взорам предстало внушительное количество рыбы. Умело цепляя рыбин за жабры, рыбаки кидали их одну за другой в корзины, наполняющиеся на глазах. Тезка и здесь успел перессориться со всеми причастными к ловле гномами – на этот раз предметом раздора стал размер рыбин. Коротышки кидали в корзину лишь достаточно крупных рыб, а совсем мелких отправляли обратно в озеро – на вырост. Хозяйственник воспринял это за личное оскорбление, цепляясь за каждую мелкую рыбешку и истошно вопя, что «в бульон для наваристости самое-то будет!». Всего удалось заполнить три пузатые корзины до самого верха – в этот раз сеть зачерпнула богатый улов.

– На сегодня, нам этого с лихвой хватит. – сказал я Койну и тут же пришлось рыкнуть на вскинувшегося на дыбы Тезку: – Хватит, я сказал! Койн, я так и не увидел обещанных грибов…

– Пока и смотреть не на что. – усмехнулся в бороду гном. – Вот через недельку – так милости просим. Вместе и отведаем грибочков, жаренных с рыбой – да под настойку все это дело… Эх!

– Эх! – поддакнул Рикар, старательно очищая с рук рыбью чешую.

– Понятно. – согласно кивнул я. – С удовольствием принимаю приглашение, друг Койн. Похоже, можно трогаться в обратный путь – я уже увидел все что хотел.

– Господин, позвольте на ночь здесь остаться. – неожиданно попросил Тезка. – Работы у меня нет – ни охоты, ни плодов с кореньями больше не заготавливаем. А завтра я вместе с новым уловом поднимусь. А?

– Можно … а зачем? – удивленно спросил я.

– Так ночью самый клев будет!

– Тезка, мы не с удочками рыбачим, а с сетью. – постарался я образумить хозяйственника. – Какой клев? Закинул сеть в глубокое место, а затем знай

только рыбу в корзины собирай.

– Дык, ночью можно и с удочкой побаловаться! – пояснил Тезка. – Возьму с собой друга Койна, Тиксу да пару фляжек с настойкой… Костерок разведем, рыбки пожарим на прутьях… Посидим, побеседуем, поближе друг дружку узнаем…

Вопросительно взглянув на ухмыляющегося Койна, я дождался его едва заметного утвердительного кивка и пожал плечами:

– Оставайся. Заодно рыболовную сеть проверишь, если порвалась где – починишь.

Рикар, судорожно сделав глотательное движение, едва не закашлялся и завистливо прошипел:

– Ах ты склирс! Без меня…

– Рикар! – остановил я здоровяка и мстительно добавил: – Пойдем уже. У нас впереди долгий путь.

Обратный путь был столь же спокоен и комфортен. Гномы тащили корзины с рыбой, Рикар им помогал, доверив мне свой драгоценный топор. Я подозревал, что здоровяк все же успел выпросить у Койна «пару капель» настойки и теперь благодушно улыбался, а следов похмелья не осталось и в помине.

Задолго до заката мы поднялись наверх и вручили кухаркам корзины, источающие рыбный запах. Нилиена клятвенно заверила меня, что сегодня к ужину будет вкуснейшая уха. Напоследок одарив меня каким-то странным взглядом, она унеслась на кухню, где ее помощницы уже выгружали еще живую рыбу на столы для последующей разделки.

Рикар забрал у меня топор и убежал вглубь пещеры – показать стрелу деду Анкису. Таким образом, я оказался абсолютно один и, секунду подумав, направился в лечебницу отца Флатиса. Проведаю выздоравливающего Стефия и – самое главное – расспрошу рыжего Лени о недавних ночных событиях. А то слишком уж тревожно у меня на сердце. Неспокойно.

Мне повезло – оба больных были в сознании и, склонившись над стоящим между кроватей столиком, вовсю наворачивали густую мясную похлебку. Отец Флатис отсутствовал – не иначе, торчал около церкви, доводя до белого каления рабочих своими придирками.

– Вижу, идете на поправку. – поприветствовал я больных, заходя внутрь лечебницы и одновременно кельи отца Флатиса – старик жил здесь же.

– Господин! – хором ответили мне Стефий с Лени, и начали было вставать.

– Сидите. И ешьте давайте, пока похлебка совсем не остыла.

– Господин, может, и вы отведаете? – смущенно предложил Лени, протягивая мне ложку.

– Спасибо, я сыт. – отказался я. – Ну, как вы? Стефий?

– В порядке, господин. – заулыбался паренек, кивая забинтованной головой. – Уже выздоровел совсем, вот только отец Флатис никуда выходить не позволяет. Вы бы замолвили за меня словечко. Чего я тут без дела лежу.

– Отцу Флатису виднее, здоров ты или нет. – дипломатично ответил я. Спорить со священником мне не улыбалось.

– Истинно так, сын мой! – раздался сухой голос из-за моей спины.

– Отец Флатис. – кивнул я вошедшему священнику.

– Ты их больше слушай! – попенял мне старик. – Ишь ты – выздоровел, говорит. Еще вчера его наизнанку выворачивало – а всего-то пару ложек бульона съел! Ешь похлебку и не болтай попусту!

– Да, отец Флатис. – выдавил из себя Стефий и, уткнувшись носом в миску, усиленно заработал ложкой.

Невольно рассмеявшись, я развел руками и сказал:

– Видит Создатель, святой отец – я и не думал их слушать. Пусть лежат, сил набираются.

– То-то. – проворчал священник, успокаиваясь. – Видел на кухне рыбу. Гномы наловили?

– Угу. – ответил я. – Сегодня людей ухой побалуем – а то оленина уже оскомину набила.

– Дело хорошее. – согласился отец Флатис. – И ты правильно поступил, когда велел шурда поскорее на костер погребальный положить. Мудрое решение.

– А вы откуда знаете? – поразился я. Было чему удивляться – мы поднялись из каменного колодца самое большее с полчаса назад.

– Пока сюда шел, на Рикара наткнулся – он у постели Анкиса сидел и стрелу ему под нос тыкал. Он мне и рассказал. Но это мелочи, сын мой. А вот с утречка я с Нилиеной парой словечек перекинулся, так такого наслушался, сын мой, что и пересказывать стыдно! Разве ж можно вот так, без венчанья и благословенья блуду предаваться…

– Святой отец! – поспешно перебил я священника и покосился на навостривших уши больных. – Какой блуд?! Вы больше Нилиену слушайте, она вам и не такого наговорит! Не было ничего!

– Да? – подозрительно хмыкнул священник, заглядывая мне в глаза.

– Да! – твердо ответил я. – Слово свое даю!

– Ну и ладно. – удовлетворился отец Флатис. – От, сплетница! А ведь так подробно рассказывает – ахи, охи, мол, всю ночь доносились, чуть ли не вся пещера до основания сотрясалась… ну баба вздорная!

– Нилиена! Твою же так мать! – злобно прошипел я сквозь зубы. – Лишь бы языком почесать!

– Хе! – неожиданно заулыбался священник. – А то ты этого не знал. Стефий, а ты чего рот раскрыл и уши развесил? А?! Ты ешь, давай, не отвлекайся!

Уши Стефия вмиг запылали красным, и он снова заскреб ложкой по дну глиняной миски.

– А с Нилиеной я поговорю, – попытался успокоить меня святой отец, – язычок ей укорочу. Ишь, выдумщица…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dem-mihaylov/nasledie-nekromanta

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити